

ОЛЕГ ДИВОВ

ВУНДЕРВАФЛЯ

Сборник 'Вундервафля'

Олег ДИВОВ

Вундервафля

«ЭКСМО»

2014

Дивов О. И.

Вундервафля / О. И. Дивов — «Эксмо», 2014 — (Сборник 'Вундервафля')

ISBN 978-5-699-74722-1

Почему в Москве совсем не рады говорящим медведям? Кто такие бырбырдиловщичи и куда они летают? Зачем советская вундервафля мчится по автобану в Париж? Как выгнать бога войны из компьютерной игры? Кто отразит инопланетное вторжение, если оно маскируется под женское такси? Что говорят немцы об отношениях русского царя и Гитлера? И чем страшен Черный Лукич, если он всего лишь городская легенда? Ответы – в новых фантастических рассказах Олега Дивова. Смешные, добрые, грустные, «про любовь», «про войну» и даже «про политику», они не оставят равнодушным никого. Это проверено. Приятного вам чтения. А встретите Черного Лукича – зовите Черного Санитара. Тоже проверено.

ISBN 978-5-699-74722-1

© Дивов О. И., 2014

© Эксмо, 2014

Содержание

Медвежья услуга	6
Немцы	28
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Олег Дивов

Вундервафля (сборник)

© Дивов О., 2014

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2014

Медвежья услуга

*Последний noneшний денечек
Гуляю с вами я, друзья.
А завтра рано, чуть светочек,
Заплачет вся моя родня.
Заплачут родны сестры, братья,
Заплачут родны мать, отец,
Заплачут шурины и сватья,
Всплакнет проезжий молодец.*

Все было хорошо, даже замечательно, пока не приперся братец Бенни и не приволок с собой эту Урсулу волосатую. Поздравляю, говорит, любимого дедушку Дика со сто двадцатым днем рождения, желаю еще два раза по столько. А я, кстати, женился, прошу любить и жаловать.

И тишина. И слышно, как мертвые с косами стоят, мослами поскрипывают.

Поймите нас правильно: жениться можешь хоть на курице, твоя личная проблема, только не тащи ты эту несчастную курицу с бухты-барахты на семейное торжество. Семья не оценит. У нас тут отнюдь не сельская пьянка для любого встречного-поперечного, чужих сюда не звали. И «отнюдь» в данном случае – не архаичная фигура речи, которая фиг знает чего значит, а вполне конкретный глагол.

И тут Манга – ну, прозвище такое, – ляпнула:

– Ой, какая она пушистая!

А эта Урсула пушистая, мля, разевает пасть во все шестьдесят четыре зуба, кланяется и на шикарном «квинглише», выпускникам Оксфорда удавиться, отвечает:

– Благодарю вас, сэръ, вы очень любезны.

Наши все упали на стол, а некоторые и под стол; обстановка слегка разрядилась. Только Манга надулась, ну да ей не впервой. Снова выпили за дедушку. Опять загалдели, продолжаем общение. Но уже как-то не так сидим. Неуютненько. Бенни сделал глупость – и за него, дурака, неудобно. Перед той же Урсолой неудобно, которая тут абсолютно лишняя... Зачем она здесь? Бенни у нас, понимаете ли, крупный ученый, эти ребята все с прибабахом, себя ради науки не жалеют, а о родне тем более не задумываются: то холеру выпьют, то психоанализ выдумают. И с братца тоже станется провернуть над семьей какой-нибудь особо извращенный эксперимент. Допустим, тест на толерантность к незнакомцам, когда их совсем не ждали. Ладно, будем надеяться, что незваная гостья поведет себя разумно, а дальше наверняка Дик выправит ситуацию. Не так уж часто мы собираемся за одним столом.

А стол чудесный, накрыто по-простому, по-деревенски, и в распахнутые окна шпарит лето с запахом сена, на горизонте озеро блестит. Вдоль стола разъезжает Дик на инвалидной коляске и со всеми чокается; правая нога и левая рука юбиляра упакованы в белую гадость, которую все по привычке зовут гипсом. Коляска бегает на шести лапах из штатных восьми, потому что передние Дик переделал под манипуляторы; в одном коляска держит бутылку, в другом стакан. Никто, в общем, не удивляется – это же Дик. На свои сто десять наш заслуженный старый черт гулял со ссадиной во весь лоб: слишком глубоко нырнул в то самое озеро, что блестит за окном, и стукнулся о камень.

В семье не принято завидовать, принято радоваться за других, но про себя каждый думает: «Мне бы такой непрошибаемый оптимизм и волю к жизни».

Манга по-прежнему дуется.

– Ты чего? – спрашиваю. – У нее же нюх собачий. Или медвежий. Ну, ты понимаешь, о чем я.

– Да плевала я на ее нюх. Она не местная, какие к ней претензии.

– А-а, ты обиделась, что наши заржали?

– Догадался, смысленый. Всегда был умен.

Чувствую, это цитата, только откуда – не помню, но в книге после таких слов, кажется, начинали убивать. На всякий случай делаю предельно невинную физиономию и подливаю Манге шампанского.

– А может, наоборот, – говорю. – Может, вы, япошки, для нее все на одно лицо. Что мужик, что баба...

Манга буравит меня своими анимешными глазками и цедит равнодушно:

– Пошутил? Шути еще.

– Извини.

– Вспоминается мне реклама времен Второй мировой, – произносит Манга вкрадчиво. – Американская реклама военного займа. Там у них был солдат без ноги – и написано: «Японцы не такие косые, как мы думали»...

– Вот это по-нашему, – говорю. – Вот такой я тебя люблю. Вздрогнем?

– Я тебя тоже люблю. Потому что ты красивый. Но дура-ак...

Вздрогнули.

Тем временем Дик подъехал к Бенни, но его как бы и не заметил, а сунулся к Урсуле и завел с ней оживленную беседу. Мы наблюдаем. Бенни побаивается. Не всерьез еще, но так, опасается. Урсула же явно не замечает, в какое неудобное положение ее новоиспеченный благодетель поставил всю семью. Я общался с «мишками» и более-менее научился их понимать: судя по тому, как она держит уши, ей среди нас комфортно. Многочисленных лучей неприязни, бьющих в обалдуя Бенни со всех сторон, Урсула не чувствует. Это довольно странно, при ее-то природной чувствительности, но ведь прикидываться дурочкой она просто не может. Не управляют «мишки» моторикой, как мы. У них если правда не написана на морде, ее всегда можно прочесть по ушам. Они ребята прямые... А может, Урсула и есть дурочка? Или, напротив, дьявольски опытная особь, из прожженных дипломатов-переговорщиков, которые врать все равно не умеют, зато обучены надежно контролировать свои эмоции. Хотя куда ей, молодая еще.

– Какая пушистая, – снова умиляется Манга, уже вполголоса. – Только это ведь додуматься надо взять такое пошлое имя. Урсула. Тьфу.

– А как надо? Кума?

– Даже не пытайся.

– Саёнара, банзай, кампай!

– Григорий, я тебя сейчас пристукну.

– Слушай, ну не лошадю же страшной ей называться. Они знают, что похожи на медведей. Знают, что в большинстве земных культур отношение к медведю уважительно-почтительное. Опять-таки, мы сами их мишками прозвали. И она, со своей стороны, тоже выражает...

– Да ничего она не выражает. Заткнись, пожалуйста, морда пьяная.

Тут Бенни осторожно, стараясь никого не задеть, выползает из-за стола и почти крадучись идет вокруг него – как я понимаю, к нам прямехонько. Крадет он напрасно: семья гуляет, на Бенни всем плевать. Он уже себя показал сегодня, больше ему не дадут. Просто не заметят.

Урсула увлеченно болтает с Диком. На лице деда неподдельный интерес.

Между прочим, мы с Мангой на этом юбилее единственные, кому он и вправду дед. Правда, Манга приемная, но юридически Дик ее прямой и непосредственный дедушка. Остальные внуки здесь в лучшем случае двоюродные. А прочие того же возраста – кто угодно, лишь

бы во внуки годились. Был бы человек хороший, как говорится. Внутри семьи «кровь» не имеет значения, важны только личные качества, и Бенни, например, сегодня нам по степени родства – идиот. Бывает и такое. Нам должно быть стыдно, наверное, но мы об этом как-то не думаем. Не позволим испортить себе праздник. Ну обмшурился парень, значит, плохо его инструктировали. Вот кто ему политику семьи разъяснял, пусть у того и болит голова. А у нас болеть ничего не будет, сколько бы ни выпили: тут, у Дика в деревне, кристально чистый воздух. Мы нынче славно покуролесим, а как стемнеет, устроим салют и еще небось купаться пойдем...

В этот момент я вспоминаю, что Бенни ведь писал диссертацию по серийным семьям, много раз с дедом консультировался, остальных замучил опросниками, и наш внутренний этикет, естественно, вызубрил на десять с плюсом. Ему ли не знать, как в семью вводят новых людей и что выкрутасы типа сегодняшнего: «Здрате, вы нам не рады? сейчас будете!» – граничат с намеренным оскорблением. Понимаю, что ничего не понимаю, и начинаю потихоньку злиться.

– Привет, мои хорошие! – Бенни улыбается во всю бородатую физиономию и тянет руку. Ну-ну. Привет, привет.

– Слушайте, а что с дедом стряслось, отчего он весь поломанный? Я же только прилетел, не знаю ничего.

– Ричард Викторович в своем репертуаре, – говорю. – Если хочешь, чтоб было как надо, делай сам, не доверяй роботам. Полез на крышу поправить антенну, упал и сломал лодыжку.

– А руку?..

Манга толкает меня локтем в бок. Она не хочет, чтобы я пересказывал историю про Дика и японскую хай-тек-коляску, которую Манга ему подарила, когда у деда нога хрустнула. Нашла кому: Дик инженер старой школы, от него такие вещи прятать надо. У него всегда наготове паяльник и тестер – интересно же, елки-палки, так и чешутся ручки шаловливые подковать нерусскую блоху. Шуму и хохоту было на пол-Москвы, дед попал в ленту новостей. Очень странно, как Бенни пропустил это. Ладно, теперь лишь бы сам Бенни в новости не вляпался.

– Где нога, там и рука, – докладываю сухо. – А некоторые женятся, а некоторые – так. И перестань ты наконец профессионально лыбиться. Терпеть не могу, когда среди своих профессионально улыбаются. А то я сейчас тоже начну – тебе не понравится.

– Ребята... – канючит Бенни. – Ну не было выхода. Я почему именно к вам – вы-то нормальные, вы поймете.

– Сам ты нормальный, – говорит Манга. – Втравил девушку в херню – и доволен. Все вы, мужики, сволочи.

– Я разведусь с ней потом, – Бенни прижимает руки к груди. – И как будто ничего не было. И все об этом забудут.

– Час от часу не легче, – говорит Манга. – Не успел жениться, теперь разводится!

– Забудут? – переспрашиваю. – Кто забудет? Да тебя уже небось сдали с потрохами. Манга, ты в ленте?..

– Я оттуда не вылезая с того момента, как этот красавец нарисовался со своей пушистой женушкой. Пока ничего.

– Я приплатил слегка кому надо, – говорит Бенни. – Чтобы не проболтались.

– Каждому встречному не заплатишь.

– Да кто узнает, мы же это не афишируем. Расписались в посольстве – и рванули на Землю. А тут наши документы только пограничники и видели... Урсулу надо было ввезти без лишней бюрократии, ввезти быстро – и мы оформили брак. Поэтому у нее земное имя такое... Простое. Спешили очень.

– Чего-то ты темнишь... Братишка.

– Да не темню я. Это все вообще из-за вас! То есть из-за нас. Из-за деда.

Угадал я, значит: наука. Ну чего взять с социологов. Чувством такта они никогда не отличались, ведь мы, живые люди, для них – материал. Не хватало нам Бенни, выпестовали уroda в своем коллективе, а теперь с его легкой руки инопланетная плюшка явилась исследовать нашу веселую семейку. Думаю, многие за столом уже догадались, что здесь творится, и если бы не Дик, показали бы ученой медведице та-акую козью морду... Не понимаю: до Бенни не доходит, что он завтра же с треском вылетает из семьи? Или мы ему надоели, и он нарочно так устроил? Но зачем? Семья – это не мафия, ты никому не обязан ничего...

Мы с Мангой переглядываемся, потом вместе смотрим, как Урсула общается с Диком. Дед положительно очарован.

Его можно понять: милейшее ведь существо. В «мишках» очень много собачьего, а еще – человеческого, они тоньше и стройнее земных бурых медведей, непринужденно ходят на двух ногах, и руки у них, а не лапы, и вообще это все неважно, а важна общая картина. Милы они человеческому глазу. Будто их нарочно таких придумали, чтобы мы испытывали к ним безотчетную симпатию.

Надо бы держать в уме, что это раса галактических коммуникаторов, а говоря по-простому, торговых посредников, толмачей и дипломатов. По идее, от таких ушлых тварей в любой момент жди подвоха. Но «мишки» совсем другие. Люди погрязли в обмане, и до чего же приятно на этом фоне иметь дело с существами, органически не способными ко лжи! Когда им врут, «мишки» видят прекрасно, а сами притворяться не умеют. Не та мимика, не та моторика. Они могут зажимать информацию, замалчивать что-то важное, и только. Прямой обман им недоступен. На этом и поднялись.

Чтобы обвести «мишку» вокруг пальца, надо самому поверить в свое вранье, только у них острый глаз и четкий нюх. Они чувствуют планы внутри планов, считывают тончайшие оттенки эмоций. До встречи с «мишками» наши ученые считали непревзойденными физиономистами собак – но инопланетные пушистики уделали местных.

«Мишки» – лучшие друзья и помощники тех, кто готов ко взаимовыгодному партнерству и совместной работе не на словах, а на деле. Для земных политиков это был шок. Только мы вылезли за пределы своей домашней системы, а никуда не сунешься: везде сидят мохнатые обаяшки и глядят на тебя честными-пречестными глазами. Наши-то надеялись в спейсоперу попасть, где закон – тайга, воруй-надувай, а фигурки.

В общем, «мишек» на Земле очень любят, ну так любят, прямо расцеловать готовы всю мохнатую задницу, только въехать сюда им сложно, если это не официальный визит – надо объяснять: почему? Насколько простой землянин рад поболтать с «мишкой», настолько же их терпеть не могут властные структуры и прочие мегакорпорации. Окончательно все поплохело с тех пор, как задумали объединиться две крупные IT-компании и из самых лучших побуждений взяли «мишку» наблюдателем. Ну и он, значит, понаблюдал за сделкой. Недолго, но эффективно. Посидел на переговорах, хрюкнул забавно – это они так смеются, – объяснил высоким договаривающимся сторонам, чего они в действительности хотят друг от друга, получил гонорар и убрался восвояси. Что там дальше случилось, никто в подробностях не знает, только объединяться ребята передумали резко и навсегда, а еще, говорят, пару трупов из одной подмосковной речки выловили.

Нынче «мишки» у нас не такая уж редкость, особенно в столицах, где сидят их представительства, но ездят они на Землю в основном по научному обмену. Обставленному так, словно каждый инопланетный специалист – потенциальный диверсант. Заявка от университета за полгода, визовый режим, прививки, карантин, страховка – все, что может выдумать продвинутое государство, дабы отбить у тебя желание посетить его.

Сами «мишки» воспринимают ситуацию философски. Они видали и покруче, а терпелка у них закаленная. Как мне один сказал: «Представь, что тебе нужно наладить диалог мыслящего глиста с разумной звездой. Теперь добавим, что это не сама разумная звезда, а проекция

ее сознания на наше измерение. Теперь еще усложним: о том, что другая сторона переговоров именно глисты, даже мы не сразу догадались...» По его словам, бились они над проблемой около сотни земных лет. Когда я ответил, что мы, простые земные артисты, работаем преимущественно с глистами буквально от сотворения мира, но поняли это совсем недавно, мой визави принялся ухать, хрюкать и подпрыгивать, выражая бурную радость. Чувство юмора у «мишек» такое же, как у нас, если не хуже.

Они никому не стараются навязаться, потому что без них все равно никуда. Глисты с Сириуса не поймут глистов с Альдебарана – и на всякий случай шарахнут по ним каким-нибудь разрыхлителем пространства-времени. Оружия массового поражения как такового ни у одной цивилизации нет, за этим следят пристально и строго, но тяжелого инструмента полно на любом задрипанном кораблике, и разрыхлители мигом превращаются в рассекатели. Поэтому, во избежание непоняток, на каждом дозорном глистовозе сидит пара «мишек». Очень удобно. Неудобно только нашим земным мыслящим глистам, которые не умеют вести переговоры без камня за пазухой и всегда первым делом прикидывают, как бы чего пограбить. Сам факт присутствия «мишек» на Земле и их популярность в народе – нож острый для властей. Дай им волю, они бы этих мохнатых близко к людям не подпускали. А то мало ли чего люди придумают. Захотят, например, чтобы все чиновники были честными и говорили только правду. Это же с ума сойти что начнется.

Короче говоря, я балбеса Бенни отчасти даже оправдать готов – исключительно в той небольшой части, что касается обхода бюрократических рогаток.

И полностью одобряю Дика, который чего-то Урсуле на ухо шепчет и даже вроде бы хочет здоровой рукой ее приобнять, но сдерживается. Она ведь на ощупь должна быть как дорогая шуба. Я бы с ней и сам пообнимался.

– А мы-то тут с какого боку? – спрашиваю. – Зачем ей дед понадобился?

– Урсула – моя коллега, – объясняет Бенни. – Мы третий год работаем в паре, я изучаю их, она изучает нас. Ее интересует феномен серийной семьи, а я возьми и проболтайся, что сам в такой состою, да еще в одной из наиболее успешных. И у нас скоро юбилей патриарха, на который все съедутся... Ну и... А Урсулу в следующий раз пустят на Землю только через три месяца. И как я ее сюда проташу, если до юбилея – неделя?

Врет и не краснеет. Все очень убедительно и совершенно в духе Бенни, но почему я ему не верю? Наверное, не хочу смириться с мыслью, что этот добрый и славный, в принципе, парень – не наш. Чужой. И всегда я в нем чувствовал некую внутреннюю отчужденность. Он еще пешком под стол ходил, и уже мне не нравился.

М-да... Манга оглядывается по сторонам, кого-то выискивая. Стол большой, на сто персон, одним краем в стену уперся, и некогда просторное бунгало Дика теперь кажется очень тесным – не было рассчитано на то, что нас так быстро станет так много. Ничего, в тесноте, да не в обиде. И многим здесь сегодня за праздник – возможность по-человечески посидеть, чувствуя, так сказать, дружеский локоть. Поскольку в обыденной жизни вокруг них слишком много свободного места, ибо не всякому положено к таким людям приближаться вплотную без предварительной записи. Нет, богатеев-олигархов и больших начальников среди нас отродясь не бывало, зато каждый – профессионал и, естественно, человек востребованный, занятой. Чтобы съехаться на юбилей, за год договаривались, и то не все смогли.

Не соврал Бенни, семья успешная.

– Бенни, видишь Феликса? – Манга спрашивает. – Вон, носом к салату прицеливается, его уже жена под локоть держит. Тебе достаточно было написать ему два слова. А видишь Акима, который из принципа трезвый сидит? Он всегда трезвый и готов помочь в любое время суток. Если стесняешься дергать занятых людей, которые намного старше тебя, – дерни нас с Гришкой. А мы дернем кого угодно. И через два рукопожатия получим выход на президента любой страны. Только это слишком высоко, тут хватило бы уровня МИДа... Погоди-погоди...

Да вот же! Вон хлещет виски сэра Алан Макмиллан. У тебя должен быть его прямой номер. Ты забыл про Алана? Эй, ты нарочно забыл про Алана?..

Бенни пожимает плечами, но в глазах у него что-то проскакивает. Может, очень даже может, что нарочно забыл – то есть не захотел.

– Ты какой-то феерический рохля! – Манга уже почти рычит. – Когда надо для твоих дурацких исследований, ты готов всех затрахать. А если надо для себя – будто неродной. Алан с твоим отцом были не разлей вода друзья, когда мы с Гришкой ползали в подгузниках, а о тебе вообще никто даже не думал! Какого черта, Бенни?! Ладно, если тебя так страшно клинит, если такой стеснительный – для этого есть мы! Только свистни! И это тебя ни к чему не обяжет. Нам незачем требовать, доказывать, биться головой о стену, и уж тем более обивать пороги. Мы можем просто вежливо попросить, чтобы в порядке исключения твою коллегу пропустили через дипломатический коридор. Сэр Алан мило улыбается, делает один звонок – и нет проблем. И Урсула уже на Земле безо всех этих глупостей. А потом мы устраиваем ей встречу с дедом и с кем еще захочет... Нет, ты должен вломиться, как слон в посудную лавку! Можно было все уладить по-человечески, Бенни. Зачем еще нужна семья? А? Чтобы ты всегда мог шепнуть пару слов человеку, который рад тебе помочь. И поможет он вовсе не потому, что ты родственник, а потому, что ты хороший парень, иначе тебя бы с нами не было... Вот зачем семья.

– Да черта с два она для этого, – бурчу я. – Ладно, ладно, сугубо личное мнение...

– А я согласен, она не для этого, – говорит Бенни. – А ты, Манга, словно забыла, о чем моя диссертация. Я все понимаю не хуже некоторых.

– Так какого же хрена?..

– Сам хотел. – Бенни расправляет плечи. – Без рукопожатий. Без просьб. Без дипломатических коридоров в обход закона.

– Это я слышу от человека, который дал взятку государственному чиновнику?

Все-таки Манга – редкая зануда.

– Хватит, – говорю. – В общем, Бенни, диссертация о серийной семье – штука хорошая, только ничего ты в этой семье не понял, на чем и остановимся. А то сейчас Манга тебе в бороду вцепится. Она сегодня добрая, уже меня обещала пристукнуть...

А сам гляжу на сэра Алана и вдруг понимаю, что Бенни-то здорово на него смахивает, и чем дальше, тем заметнее это становится. Интересно, он в курсе, кто его биологический отец? Или сторонится Алана чисто инстинктивно? Надо бы заглянуть в семейную хронику – кажется, Алан Макмиллан и Торвальд Нордин как-то очень резво поменялись местами. Там сложился классический любовный треугольник, вполне мелодраматичный, типа «если к другому уходит невеста, то неизвестно, кому повезло». Нордин был в семье изначально, где-то нам с Мангой троюродный или вроде того, а Макмиллан – пришлый, его тетя Лена привела, и он сразу всем понравился. И с Тором они хорошо дружили, а потом вдруг года через три ка-ак настучали друг другу по мордасам, и Тор говорит: «Извините, теперь я Ленкин муж, ну что поделаешь – любовь». С Аланом они еще лет пять не разговаривали. Считается, что их Дик помирил, на самом деле и без него справились, перегорела обида, а симпатия осталась. Проклятье, какой же я старый, если помню столько интересного! А ведь у нас с Бенни не наберется и двадцати лет разницы... Да, точно, сами помирились. В полном согласии с кодексом семьи, прямо хоть бери их историю за эталон. Хороших людей на свете полным-полно, а вот таких, к которым у тебя, что называется, «душа лежит», очень мало, контакты с ними надо беречь, холить и лелеять. На этом и держится серийная семья. В ней отношения не рвутся, они надстраиваются и достраиваются. Из нее, бывает, уходят – обычно в сердцах, по ссоре, – пропадают надолго, но рано или поздно возвращаются. И еще с собой приводят новых душевных людей. Это родство на каком-то экстрасенсорном уровне. Кто сам не чувствовал, тому трудно объяснить.

И вводят новых членов в семью осторожно, плавно, чтобы все успели присмотреться и сам человек к нам принялся и понял: «Ух ты, как мне с вами хорошо». А жениться можешь, повторю, хоть на курице. К семейным отношениям не имеет отношения. Например, мой папуля свою первую любовь даже не думал сюда привести – хотя был молодой, втрескался по уши, да еще у кровных родичей иногда ум за разум заходит, будто они равнее других и их куриц тут будут терпеть... Не-а, не будут, даже если курица с золотыми яйцами. Семья в этом смысле довольно жестока.

Отчасти жестокость вынужденная: редкий человек с нами уживется, потому что внутри семьи принципиально не лукавят и не тянут одеяло на себя. Вне семьи, в общем, тоже. Быть честным и открытым трудно, судьба такого человека на планете Земля зачастую складывается как у «мишек»: народ тебя любит, а начальники гнобят. Иногда – к счастью, редко – семье приходится выстраиваться клином и переть в атаку, защищая своего. Но в целом семья, конечно, не для этого, что бы там Манга ни думала. Мы создали мафию не ради выживания, а чтобы нормально жить.

– Мне за девчонку обидно, – говорит Манга. – Все должно быть по правилам, а тут профанация какая-то... Бенни ничего про семью не понял, так он всегда был остолопом, и Урсула ничего не поймет, хотя умненькая, ей просто не дадут... Никто не будет с ней серьезно разговаривать. И я не буду, чисто из принципа!

И в полном расстройстве присасывается к своему шампанскому.

А над столом гул, все уже сидят, откровенно развалясь, на веранде кто-то пробует гитару, сейчас начнется спонтанный джем-сейшен с разудалыми плясками. Здесь нет скучных людей, здесь умеют веселиться. А Дик все никак от Урсулы не отлипнет. Ну, ему виднее.

А я крепкого хлопнул – и меня осенило:

– Чего обижаться, да у нее все прекрасно! Мы Бенни выпрем из семьи к такой-то матери, а Урсулу себе оставим. В команде замена. Вместо выбывшего из игры социолога Нордина на площадку выходит социолог... Кстати, как ее фамилия? Естественно, Нордин. Посмотри, она ведь намного лучше Бенни, правда? Ее можно гладить. Можно любоваться и умиляться. Зимой можно ее использовать как коврик с подогревом...

– Да ну тебя! – отмахивается Бенни, но отчего-то вдруг потеет.

– Хватит водку жрать, Григорий, – говорит Манга строго. – Просохни малость.

– А когда мне еще жрать-то? У меня знаешь какой график? Послезавтра на старт – и в Рио. И далее везде, по самым жарким точкам. По всей Латинской Америке чешем, я даже теперь знаю, что такое Гондурас.

Чувствую, Бенни напрягся. Ага, не просто так ты именно к нам подсел, социолог хренов.

– Да я в общей сложности два месяца стакана не увижу!

– Это в Латине-то? – не верит Манга. – Да там квасят даже в промежутках между выпивками – те, кто не курит и не нюхает!

– Пускай квасят, веселее будут. Я туда не пьянствовать, а работать еду. На работе мне просто нельзя. Ты меня пожалей, сестренка!

– Ты несешь радость людям, дубина, – сообщает Манга пафосно. – Это твоя миссия. Нашел чего жалеть – стакана. Печенку бы пожалел!

Только я собираюсь в ответ тонко пошутить, тут у меня в левом ухе шелкает – вызов от деда. Гляжу через стол – а Дик смылся куда-то, вместо него с Урсулой баба Варя сидит. Прислал старик надежную замену, чтобы податые родичи не обидели мохнатую невестку. Баба Варя имитирует учтивую беседу, а сама, очень заметно, мыслями далеко-далеко. Ну да, ей сейчас приходится вокруг стола десять роботов гонять. Одно слово, что роботы, а дураки те еще. Поэтому и молодежь на подхвате, да и старшие не гнушаются пробежаться до кухни с грязными тарелками и пустыми бутылками – вон Виктор, отчим мой, самолично за добавкой поскакал...

– Гриша, будь другом, – говорит дед в левом ухе. – Прогуляйся со мной до площадки. Вот прямо сейчас вставай – и дуй. Есть дело по твоему профилю.

– Клоунаду учинить? – спрашиваю. – Или трагедию?

– Маленькую комедию.

Ладно, раз надо – значит, надо. Сейчас приду. Налью-ка себе, чтобы, как говорится, рука не дрогнула...

– Слушай, Гриш, – встречается Бенни. – Я помню, у тебя есть несколько скетчей, в которых участвует «мишка». Ты их еще играешь? А кто у тебя там в медвежьей шкуре?

– Его зовут, допустим, Вася. Заслуженный артист малоизвестных театров. Дальше что?

– Дальше – что скажешь, если сыграет настоящий «мишка»?

– Весь комический эффект потеряется, – отвечаю мгновенно.

– А ты подумай. Вдруг только усилится?

У меня глоток застрял, я аж закашлялся. Отдышался кое-как, горло прополоскал соком и говорю хрипло:

– Бенни, дорогой мой младший братец, если тебе позарез надо сплавить Урсулу в турне по Гондурасу – найди смелость это сказать прямо, как положено между братьями. А раз кишка тонка – позволь торжественно послать тебя в задницу! Нашелся, блин, импрессарио...

– Мальчик сегодня явно не в себе, – поддакивает Манга. – Надо провести с ним воспитательную работу.

– Да идите вы... – бормочет Бенни и затравленно озирается.

Встаю, прошу ребят не убивать друг друга, пока не вернусь – я ненадолго. Уворачиваясь от желающих пропустить со мной стаканчик, иду вдоль стола и натываюсь на взгляд Урсулы.

Ах, какая она пушистая...

– Я ваша большая поклонница, – говорит Урсула. – Но сейчас я хочу принести извинения. Мне уже объяснили, какую нелепую бестактность я допустила в отношении вашей подруги...

– Да какая она мне подруга... – отвечаю машинально.

– Опять бестактность... – бормочет Урсула. – Ничего у меня не получается. Извините.

И тут она на мгновение теряет над собой контроль, и я вижу: убита совершенно. Мертвая. Воля к жизни на нуле. Господи, да что же с ней?!

– Нужна помощь? – спрашиваю быстро.

– Нет-нет, я просто устала. Слишком много работала. Извините еще раз.

– Мы ведь можем... Почти все в пределах разумного.

– Я знаю, – говорит она и улыбается почти совсем по-человечески. – У вас удивительная семья. А Бенни... Он может и неразумное. Очень добрый человек.

Ишь ты. Сильная характеристика, а главное, честная.

– Все будет хорошо, – говорит она, – не беспокойтесь.

Я уже здорово обеспокоен и действительно хочу помочь, вплоть до того, чтобы отвезти Урсулу в Гондурас, но не нахожу подходящих слов и просто учтиво киваю. Потом поговорим, сейчас некогда решать медвежьи проблемы, меня дедушка ждет.

Очень пушистая, очень приятная и очень несчастная – вот и все, что я успеваю запомнить об Урсуле.

Выхожу на веранду. Тут же спотыкаюсь о толстенный кабель: это наша доморощенная рок-группа так одаренно подтянула себе питание.

– Хотите, чтоб убился кто-нибудь?

– Дед сказал – кидайте здесь.

– Своих мозгов нет?

– Ты чего злой такой?

– Техника безопасности, елки-палки. Если мне за сценой бросят кабель на проход и это менеджер заметит, человека уволят.

– Ну дед сказал...

– Ты ногу у деда видел?.. Нашел кого слушать. Он инженер-испытатель, ему этой ТБ всю жизнь мозги полоскали. Естественно, он как вырвался на пенсию – сразу перестал ее соблюдать!

Воха, первая скрипка большого симфонического оркестра, лауреат международных конкурсов и так далее, чешет в затылке и говорит:

– А между прочим, у нас провода вечно лежат черт-те как, и не только за сценой. Некоторые спотыкаются. Очень странно, потому что ТБ для всех концертных площадок должна быть, в принципе, одна. Надо будет заняться этим. Ты прав, Гриша, учту на будущее.

Он берется за кабель и дергает его вверх, чтобы переложить удобнее. В следующее мгновение через кабель летит кубарем сэр Алан Макмиллан, но я успеваю его поймать.

– Грег, нам нужно идти, – говорит Алан как ни в чем не бывало. – Нас ожидают.

Мы спускаемся с крыльца и идем вдоль рядов машин к посадочной площадке. Я полной грудью вдыхаю запахи лета – и кружится голова. Что это за кусты такие? Жасмин, кажется. Господи, как тут хорошо! Дик купил дом в заброшенной деревне лет восемьдесят назад – и потихоньку начал подтягивать наших. Зазывал в гости, показывал местные красоты и агитировал здесь строиться. Теперь не деревенька, а загляденье, и почти на километр во все стороны своя земля. А дальше фермеры орудуют, в которых семья вложилась с одной только целью: чтобы хорошим людям было чем заняться, а плохие сюда не лезли... Почему я редко бываю здесь? Только из-за профессии. Шебутная она, не засидишься.

Дик – на краю площадки, его коляска нервно переступает с ноги на ногу.

– Как ты это делаешь? – спрашиваю.

– Задницей, – просто объясняет Дик. – Алан, ты ему сказал?..

– К сожалению, не успел. Я упал, – произносит Алан с достоинством. – Мне надо было восстановить равновесие.

И прячет в карман фляжку.

Дик качает головой. Легкий по жизни человек, ироничный и добродушный, он сейчас выглядит непривычно серьезным.

– Ерунда, – говорит ему Алан. – Не напрягайся из-за ерунды. Это все несерьезно. Когда серьезно, они действуют на другом уровне. Присылают эмиссара с особыми полномочиями.

Дик оглядывается: на горизонте возникает маленькая черная точка.

– На что и надеюсь, – говорит он. – Уровень – так себе... Гриша, я собрал вас здесь, чтобы сообщить пренеприятнейшее известие – к нам едет ревизор, хе-хе... То есть главный местный полицей, а с ним чиновник миграционной службы. Полицей, я так понимаю, чтобы проявить уважение, ну и в надежде на выпивку – мы с ним давно и прочно знакомы. А вот чего ради сюда намылился мигрант, даже думать лень. Сейчас узнаем. У меня к тебе просьба: надо так их встретить, чтобы сразу поняли, куда попали. Чтобы на них снизошло неопишное счастье – и максимальная неловкость одновременно. Лучшего человека, чем ты, для этого просто не придумаешь. А досточтимый сэр Алан прикроет наши тылы юридически. Он разбирается во всякой фигне. Если что, он еще и неприкосновенная персона.

– Если что, всегда можно спрятаться в моей машине, – говорит Алан.

И глупо хихикает.

Дик глядит на него пристально.

– Я просто вспомнил: у меня там много чего есть, – Алан снова лезет в карман за фляжкой. – Ричард, умоляю, ну перестань ты нервничать. Такой замечательный день. Наконец можно расслабиться. А ты напрягся, будто к тебе летит батальон морской пехоты.

– Для морской пехоты я нашел бы дело, – говорит Дик. – Надо пруд вычистить, и это сугубо ручная работа, технику не подгонишь к нему. Что я, в армии не служил? Добрая беседа с офицерами, пара бутылок, а солдатики пускай копают...

– Ты не поверишь, у нас было то же самое, только это надо делать очень тихо, а то полно стукачей, – говорит Алан, завинчивая крышечку. – Обычно использовали новобранцев.

Черная точка уже превратилась в полицейский вертолет. Он идет в режиме глушения и вместо обычного стрекота – негромко чпокает. Уважает, значит. Обычно в сельской местности они не церемонятся: глушилка быстро выжирает ресурс лопастей. Машина заходит на посадку, ветер треплет мои волосы. Я закрываю глаза, контролирую дыхание...

Я на работе. Я очаровательный. Я несу радость людям. Вот прямо сейчас и принесу.

И вместо простого русского парня Гриши Грачева, заметно поддатого и слегка расхристанного, перед официальными лицами возникает знаменитый на всю планету комик, любимец публики Грег Гир.

Надо видеть эти лица.

Кажется, их миссия провалена, толком не начавшись. Все-таки неплохой я артист. Не зря пошел в профессию.

Внешне не стусевался только мужчина в штатском, о визите которого нас не предупредили, но я-то вижу, каких усилий ему стоит сдержать радостное изумление.

– Вот это да! – Полицай даже руками всплеснул. – Как же я... Ну разумеется! Вы же внук!.. Вот это да!

Миграционный чиновник просто растерян. У него в руках папка, и он, похоже, думает, а не сунуть ли ее мне для автографа. Это все, что его занимает сейчас; остальное, как верно заметил досточтимый сэр Алан, – ерунда.

Тем временем мужчина в штатском просовывается к сэру Алану и крепко жмет ему руку, как старому знакомому. Вот он и пожаловал, тот самый эмиссар с особыми полномочиями...

Полицай обнимается с Диком, путано и многословно поздравляя его со двадцатилетием. Инвалидная коляска тут же сует полицая выпивку под нос. Немая сцена.

– Послушайте, господа хорошие, – говорит штатский. – Раз уж так получается, давайте я, ага?

– Нет-нет, – возражает полицай, – я же обязан.

– Да у вас стакан в руке, чего вы обязаны...

Полицай удивляется. Рефлекторно схватил, не иначе.

– Дипломатический советник Русаков, – представляет штатского Алан. – Переводя на человеческий язык, офицер по особым поручениям вашего МИДа. Он тут неофициально, для информации, и это все упрощает. Давайте и правда по-домашнему. А потом выпьем! Вон там, в беседке, можно отлично сесть.

Дипломатический советник глядит на часы.

– Можно и сесть, – говорит он.

– Нет, но я обязан, – встревает полицай. – Это чисто протокольное. Буквально пара минут. Уважаемый Ричард Викторович. Находится ли сейчас на вашей территории некто Бенджамен Нордин?

– А почему вы спрашиваете? А не позвать ли мне адвоката? Вон в том доме их человек десять на любой вкус, есть красивые женщины, – заявляет Дик. – И все очень недовольны тем, что им портят праздник.

– Так и запишем: от ответа уклонился...

– Нет-нет. Будучи по случаю праздника в состоянии алкогольного обвинения... Тьфу, опьянения!.. Отвечать членораздельно не смог.

– Ну, причина уважительная, – говорит полицай. – Находится ли сейчас на вашей территории урсунويد, называющий себя Урсулой Нордин?

– Будучи в состоянии алкогольного опьянения, мне что урсунويد, что гнидогадоид – не различаю лиц!

– А провести осмотр территории и опрос свидетелей я без ордера не могу, – заключает полицей. – Значит, официальная часть закончена. Твое здоровье, Дик! Поправляйся и живи еще сто лет как минимум.

И немедленно пьет.

– А я?! – обиженно спрашивает миграционный чиновник.

– А жалоб и заявлений не было, – говорит ему полицей, берет у Дика новый стакан и сует его чиновнику. – И депортации не предвидится.

– Не было, – подтверждает Дик. – И не предвидится.

– Они своих не сдают, – объясняет полицей «мигранту». – Это же семья. Никто закон не нарушал, а если против понятий набедокурил – они внутри разберутся и накажут.

– Ваше здоровье! – говорит «мигрант» и почему-то кланяется прежде, чем выпить. От уважения, вероятно.

– Ваш ход, советник, – кивает Алан Русакову.

– Да, сэр. Мне поручено сообщить вам, Ричард Викторович, чисто в порядке информации, что урсунويد, называющий себя Урсулой Нордин, объявлен у себя на родине вне закона. Несколько секунд мы стоим в молчании, переваривая услышанное.

Мне хочется глупо пошутить, чтобы разрядить обстановку, но я не умею импровизировать. Все мои блистательные импровизации, от которых публика стонет, – это домашние заготовки. Хороший экспромт тем и отличается от плохого, что его надо долго и старательно шлифовать.

Дик просто молчит – собранно и деловито, если только можно «деловито молчать». У него даже коляска больше не приплясывает.

– Дерьмо собачье, – бросает Алан. – Вне закона, какая сильная формулировка, аж страшно! А девку выгнали из стаи, вот и все. Просто выгнали из стаи. Предлагаю всем расслабить промежность и сделать вдох-выдох. Чего она натворила?

– Мы не имеем никаких данных и вряд ли сможем их получить в обозримом будущем. Нас только поставили в известность о факте наказания.

– Поскольку не было заявления... – начинает полицей.

– Понятно, понятно, – цедит Дик.

Понятнее некуда. Нет заявления – нет преступления. Значит, на территории, подпадающей под земную юрисдикцию, Урсула ни в чем не виновата.

– Что мы знаем на сегодня... Это молодая особь, ей около тридцати лет в нашем эквиваленте, – говорит Русаков. – Дальше все очень условно, потому что мы подгоняем данные под земные понятия и определения. Если я говорю «ученый», это не значит, что она ученый. И если говорю «социолог»... Это самое близкое, что у нас есть. Так или иначе, она работала на Земле наездами в общей сложности около двух лет. Полугодовыми циклами – «мишкам» не дают тут засиживаться по причинам, которые я не уполномочен обсуждать...

– Тоже мне секрет – вы их гоняете, чтобы беременные самки не рожали на Земле. А то придется дать «мишке» наше гражданство. – И понеслось...

Зря я все-таки перед выходом стопку хлопнул – она лишняя была. Русаков косится на меня неодобрительно, никак не комментирует мою реплику – и продолжает:

– Три месяца назад эта особь в очередной раз вернулась домой, и вместе с ней уехал работать Бенджамен Нордин. В его задачу входили так называемые полевые исследования, а урсунويد консультировал обработку результатов. Ничего, в общем, необычного. Что случилось дальше, никто понятия не имеет. Так или иначе, Нордин поступил в некотором смысле остроумно, использовав лазейку в законодательстве. Жениться-то сейчас можно хоть на корове! Мы просто этот момент прошляпили. Никому и в голову не приходило...

Русаков удрученно качает головой и косится на бутылку.

– Он ее как медведя, что ли, оформил? – спрашивает Дик.

– Совершенно верно. Это его ручная медведица! Урсула, мля. Она даже на четыре лапы встала ради такого случая. И господин Нордин через посольский терминал преспокойно оформил все документы. Только ветеринарный паспорт ему сляпал на коленке тамошний врач, но сляпал убедительно. Собственно, он единственный в посольстве, кто видел Урсулу живьем. Все остальное Нордин провернул удаленно – а что взять с компьютера, он железный и знает два ответа: «да», «нет»... После чего Урсула опять встала на ноги – и пошла садиться на земной рейс как законная супруга, вписанная в гражданский паспорт мужа, поскольку свой гражданский паспорт медведю, трам-тарарам, не положен. И не подкопаешься. Ловко сделано, признаю. Ваш внук зарывает талант в землю, ему бы в разведке служить.

– Надеюсь, врача уже расстреляли?

– Вам шуточки, Ричард Викторович, а с доктором будем разбираться, это же служебный подлог, уголовная статья. Ишь, гуманист нашелся! Сейчас летит домой, посмотрим, чего расскажет.

Дик с Аланом переглядываются, Алан едва заметно кивает. Русаков слегка морщится.

– К сожалению, по сути дела врач не знает ничего. Он просто «мишку» пожалел. Крутят они нами как хотят... Манипуляторы.

Русаков снова косится на бутылку, и я его понимаю: бутылка хорошая.

Дик ловит этот взгляд и никак не реагирует. Не хочет угощать дипломатического советника.

– Когда «мишку» выгоняют из стаи, он покойник, – говорю я. – Без семьи он никто, у него статус добычи. Миллион лет назад изгнанник мог прибиться к другой стае. При известном везении был такой шанс. У молодой самки или очень сильного самца – чуть больше шансов. Но чаще одиночка погибал. Его просто убивали другие «мишки». Потому что мордой не вышел или им кушать захотелось. Изгоя можно задрать и слопать, закон такой. А теперь вся их цивилизация – единая стая. Закон остался прежним, изгнанник – легитимная добыча для любого «мишки». А вот другой стаи ему уже не найти. То есть шансов ноль. Абсолютный. Вы это знали, советник?

– Ваши симпатии к урсуноидам общеизвестны, Грег, – холодно отзывается советник.

– Вы это знали.

– И что? «Мишки» повсюду. То, чем они занимаются, – ползучая оккупация. Это страшно на самом деле. Земля – единственное место, где оккупацию сдерживают.

– Вот почему Бенни привез Урсулу сюда, – говорю. – Логично, вам не кажется?

– Мне бы хотелось поговорить с ней. – Русаков поворачивается к Дикю.

Дик молчит. Все молчат. Шумно и грузно молчит полицаи; тихо молчит и не шевелится Алан, хорошо у него получается, видно опытного дипломата; полностью растворился в воздухе миграционный чиновник, его тут не было и нет, он не хочет во всем этом участвовать.

«Мишек» на Земле в среднем меньше тысячи. Да, конечно, они теперь вполне интеллигентные ребята, а не полужвери, как миллион лет назад, но закон есть закон. Никто не обязан убивать Урсулу, однако и запрета нет. Дальше все зависит от тяжести преступления, о котором они наверняка узнали еще вчера по своей телепатической почте. И каждый «мишка», наткнувшись на Урсулу, будет решать для себя, достойна она жить или нет. Матерый самец загрызет ее в пару секунд, а она небось и сопротивляться не станет. Одна осталась на всем белом свете, вычеркнули ее, ну и чего ради трепыхаться?

У «мишек» нет системы наказаний в нашем понимании: они треплют непослушных детей, взрослые могут подражаться, и только. А отлучение от стаи – это приговор, ребята. У Урсулы никаких перспектив. Выжить она сумеет, но жить ей без семьи незачем.

Как она вообще сегодня держится – фантастика. Устойчивая психика, железные нервы. Я бы головой о стенку бился... Ловлю себя на том, что думаю об Урсуле как об обычной земной женщине. Забавно. И неправильно. Нет, дорогие мои, она – из ряда вон, она – несчастнейший

из смертных, вам такое одиночество и представить нельзя. Я могу, но я актер, меня этому учили. Я могу представить и не такое одиночество.

Искать ее намеренно не будут. Урсула без проблем сможет устроиться на Земле так, чтобы не попадаться на глаза соплеменникам.

Это, конечно, не выход. Это не жизнь.

Кстати, о жизни и смерти. Сейчас Урсула, насколько понимаю, все еще числится домашним животным – и «мишка», убив ее, попадает года на три максимум...

– Надо ее в человека переоформить, – заявляет полицей, будто услышав мои мысли. – А то если грохнут, сколько можно накрутить – ну года три, и то с учетом наличия умысла и особого цинизма... Плюс намеренная порча имущества, но она поглощается более тяжким... Стоп! А вот и нет. Это же убийство супруга! Со всеми вытекающими последствиями. И тогда, извините, вплоть до пожизненного. Только нормальный гражданский паспорт ей все равно надо сделать.

– Вы ее даже не видели, – говорит Русаков с горечью. – Вы не знаете, что она натворила. Тем не менее она уже вами манипулирует. Вот так они захватывают обитаемую вселенную. Они повсюду, и у них все под контролем. Но смею вас заверить, мы не позволим им сделать это на Земле.

– Да ничего страшного она не натворила, – говорит Дик устало. – С человеческой точки зрения – совсем ничего. Теперь уже я смею вас заверить: пройдет не так уж много времени, и вы бегать за ней будете на четвереньках, чтобы она до вас снизошла.

Русаков делает надменно-удивленное лицо. Получается неплохо: видать, тоже учили.

– Она хорошая девчонка, – говорит Дик. – И хотела как лучше. Просто ее на родине не поняли. Не знаю, чем все это кончится. Сегодня она мой гость. А об остальном я подумаю завтра. Спасибо за визит, господа, и всего вам наилучшего.

Коляска разворачивается и шагает к дому. По дороге она наливает хозяину выпить, чуть-чуть, на самое доньшко. Дик в совершенстве владеет этим искусством: принимать по маленькой и равномерно. Не то что я, например.

Русаков вопросительно глядит на Алана, тот молча кланяется и отворачивается. «Мигрант» открывает папку, листает документы, рвет какую-то официальную бумагу пополам, и я оставляю два автографа – ему и полицейу. Оба лезут в вертолет, подчеркнуто не обращая внимания на дипломатического советника. Они даже пытаются дверцу захлопнуть у него перед носом. Они почему-то не верят в то, что «мишки» хотят нас оккупировать.

И они, конечно, уверены, что мы найдем для Урсулы выход из безвыходного положения. Мы ведь – семья. У нас Дик. У нас десять пьяных адвокатов прямо здесь.

То, что нам может оказаться совершенно не интересна заведомо дохлая медведица, пусть и очень пушистая, никому в голову не приходит.

Если меня сегодня действительно попросят сплавить Урсулу с глаз долой в Латинскую Америку – не удивлюсь. Семья уже сделала для нее все что можно. Дальше помочь нечем. Значит, нет медведя – нет проблемы. Дик принимал такие жесткие решения не раз. Бывали этически неоднозначные ситуации, когда человека жалко, а помочь ему никак, и все вздыхают, и все мнутя – и дед брал на себя ответственность за разрубание узла, и тогда все вздыхали уже с облегчением, я знаю. Почему семьи ценят патриархов: «дедушка старый, ему все равно», он знает, когда прикинуться бессердечным, чтобы молодым не пришлось тащить эту ношу.

Алан достает фляжку и встряхивает ее.

– Дерьмово обстоят дела, вот что я скажу.

– Увы, совсем ничего не осталось?

Алан ухмыляется и прячет фляжку.

– Пойдем, Грег, я налью тебе из багажника, обладающего правом экстерриториальности. Там спрятана настоящая дипломатическая записка. Ты сможешь придумать шикарный скетч.

Мы стоим на русской земле, протягиваем руку через границу – и достаем бутылку прямо из Великобритании. Представь, сколько тут кроется забавных казусов...

– Бенни сделал это, – говорю. – Бенни запузырил такой казус – долго придется расхлебывать.

– Вот пойдем и хлебнем, – говорит Алан.

Хлебнули из багажника – действительно вещь там спрятана у досточтимого сэра, – и Алан спрашивает:

– Как думаешь, Дик догадался, что она сделала? Или решил заморочить Русакову голову? Пожимаю плечами. Дик такой, он может. И первое, и второе.

– Я просто волнуюсь за Бенни, – объясняет Алан. – Как бы его сегодня не затюкали. А парень совсем один, и ему плохо.

– Там с ним Манга сидит. Она, конечно, не подарок, но с ее чувством справедливости – не даст Бенни в обиду.

– Понимаешь, он в принципе один. Лена и Тор совсем его забросили, а мне как-то неудобно ему навязываться в друзья. Да, он взрослый мужчина, но иногда мы остро нуждаемся в поддержке, а Бенни не умеет ее искать и уж тем более просить. А теперь еще и вся семья против него...

Поднимаю глаза и смотрю на Алана в упор. Был бы трезвым – промолчал бы, но больно странный выдался денек, и я уже навеселе, а к ночи вконец наклюкаюсь. Устал потому что.

– Бенни здорово похож на тебя.

– Спасибо, – говорит Алан и благодарно улыбается. – Но поэтому я лучше других понимаю, как ему непросто. Помню его маленьким – я в детстве был такой же серьезный и замкнутый. У него с возрастом это прошло хотя бы отчасти, а у меня ведь не прошло. Меня только Лена расшевелила. Я здорово ей обязан – и тем, какой я нынче есть, и своей карьерой... кстати, мужем я все равно оказался никудышным и был бы Бену дрянным отцом. Муж, отец, до этого надо дорасти. Я только сейчас дорос. Вижу, ты понял... Скоро начну вас потихоньку знакомить. Она тебе понравится.

– Пусть у тебя все получится. – Я жму ему руку, и становится тепло. – А насчет Бенни... Его сегодня покусают, конечно, но в итоге простят, мне так кажется. Если Бенни поставил все на карту, чтобы спасти какую-то инопланетную медведицу, значит, дело того стоило. Дик с этим разберется. Я в Дика очень верю, он и не такое разгребал. Хотя его поломанные руки-ноги уже из области старческого маразма, но... Урсула появилась очень вовремя: скучающему патриарху будет чем заняться!

Кабеля поперек дороги уже нет, и это радует. Возвращаюсь за стол, плюхаюсь на свое место, благодарю Бенни и Мангу, что не поубивали друг друга, гляжу новыми глазами на Урсулу. Только что отгремел новый тост за дедушку – и снова Дик с Урсулой секретничает, опять со сладкой улыбочкой, старый лицемер. А несчастнейшая из смертных держит ушки бодро, мордой выражает глубокую заинтересованность и полное благодушие: ну железная выдержка у нее. Или я чего-то не понимаю.

За что «мишку» сейчас могут выгнать из стаи? Это можно спросить у Бенни, да только фиг ему, пускай сидит и мучается. Заслужил. Я ему сегодня много чего сказать хочу, и все не по теме...

– Григорий, ну делай же паузы. Или половинь хотя бы.

– А если мне с собой трезвым – скучно? Манга, я же в промежутках от работы до работы – невыносимо скучная личность. Я похож на человека, когда играю или когда выдумываю. А в паузах – тоска сизая.

Не кривлю душой ни капельки. Ведь так оно и есть: скучный тип с тоскливыми глазами. От баб отбою нет, только жить со мной никто не остается. Как увидят эти глаза – прости-прощай. Спинным мозгом чувуют, на что напоролись.

Только не подумайте, что это трагедия. Это комедия. Пока еще. Дальше будет хуже.

– Послушай, но тебя так любят...

– Меня любят не за унылую физиономию, верно? Любят за веселую. Которую я делаю для публики. Ради публики. Чтобы людям было хорошо. А я потом как выжатый лимон – и мне грустно.

– Но ведь это замечательно!

– То, что мне грустно?

– Дубина! Оглянись вокруг! Посмотри, сколько наших черт знает чем занимается, чтобы создать какие-то новые смыслы – и с огромными усилиями, чуть ли не через задницу донести их до народа! А у тебя все напрямую. Прямой контакт. Счастья ты своего не понимаешь!

Какая все-таки Манга до отвращения правильная. И ужасно привлекательная в своей анимешной ипостаси. Да чего там, просто красивая. Пожалуй, надо мне и в самом деле малость просохнуть, а то сейчас вовсе растаю от нежности, целоваться полезу, а ей только этого и надо, давно готова.

Нет-нет, я еще помню времена, когда Мангу звали Сашкой, и он, сволочь, мне хоккейной клюшкой между глаз заехал, едва нос не сломал. Если сильно напрячь память, я, пожалуй, вспомню его хитрую, смазливую и вполне русопятую детскую морду. Но последнюю четверть века это шикарная анимешная деваха, из тех, кого зовут «свой парень», а еще высококлассный переводчик и эксперт по деловым контактам с Дальним Востоком. Имеет невинный с точки зрения японцев сдвиг по фазе на почве хай-тека: дома в Киото у Манги целая свора киберсобак и два кибермужика. Не потому что такая вся из себя хиккимори, а просто ее стержневой характер даже собаки не выдерживают. Прекрасный человек и замечательный друг, уверяю вас, просто ярко выраженная сука – ну, бывает. Она и за Урсулу готова подписаться обеими руками не столько по доброте душевной, сколько от бессознательной тяги подминать под себя все хорошее, до чего может дотянуться, потом сколотить из этого хорошего стаю и начать стаей мудро руководить. Ну, ей кажется, что мудро. Спорим, моя дурацкая идея на полном серьезе взять в семью «мишку» сейчас прямо-таки бродит, пузырится и булькает в красивой Мангиной голове.

Дик жалеет Мангу, говорит, она какая-то неприкаянная выросла и вся ее японщина – просто метод компенсации психики, бегство от незалеченных проблем. Некоторые наши слегка побаиваются с ней общаться. Любуются издали, а душевно поговорить – не получается. Все признают, что Манга «свой парень», но уж больно она прямолинейная, а временами и грубоватая, язык без костей. Ну да, мы друг другу принципиально не врем, только совсем хамить-то не надо.

А я привык. Я ее не боюсь ни капельки, мудро руководить собой не дам, она это понимает и, как ни странно, высоко ценит. Только обижается, что я, с моим-то профессиональным слухом, даже не пытаюсь выговорить ее японское имя и зову подругу детства в лучшем случае Мангой, а в минуты раздражения – госпожой Кусаки.

Приставать к ней с нескромными предложениями мне мешает только одна причина: я-то знаю, насколько Манга одновременно ранима и зверски серьезна. Поэтому мужики и собаки, с которыми она живет годами, – механические. С Мангой нереально разок заняться любовью, чисто от хорошего отношения, и назавтра разойтись друзьями, она не поймет. Она решит, что ее предали. Семья потеряет этого ценнейшего человека навсегда. И я потеряю.

Иногда я думаю в сердцах, что она просто тупая, а потом долго гоню от себя мысль, до чего же это похоже на правду...

Тут с дальнего конца стола подваливают мои, точнее, делегация от моих – папуля с Виктором. Женщины салютуют бокалами, мама подмигивает, мол, все прекрасно. Мама, пожалуй, самая яркая здесь, и это очень приятно. А живет яркая женщина тихо-тихо, незаметно, надо

просто знать, какой она сильный терапевт. У мамы все хорошо сложилось, она никуда не рвется и ни о чем, кажется, не жалеет. Знаменитых тут и без нее хватает.

А эти двое нависают надо мной со значительными лицами и принимаются разглядывать, да так сурово, что вокруг голоса стихают, и все оборачиваются в нашу сторону.

– Какой он все-таки у нас замечательный, – говорит папуля Виктору.

– Прекрасный, – отзывается Виктор.

– Мы – молодцы.

– Безусловно.

Они чокаются, выпивают, круто поворачиваются и уходят. Вслед им несется дружный хохот и аплодисменты.

– А я все думал, в кого ты такой артистичный, – говорит Бенни. – В обоих, значит.

– Ну, все-таки в папу, но без Вити я бы не состоялся. Папуля задавал общее направление и поддерживал в трудные минуты, а Витя-то, извини, меня растил день за днем. Как говорится, отцы приходят и уходят, а отчимы остаются...

Кстати, Виктор и терпел меня день за днем тоже, редкой деликатности и доброты человек. Я папу обожаю, это личность, но сейчас понимаю, как правильно он сделал, что вовремя ушел. Он бы регулярно обламывал сына, и наверняка слишком жестко. А так у меня просто образовалось два комплекта родителей, и я заметно этим избалован. У Бенни по-другому. Со слов Алана выходит, что Тор в общем и целом неплохо заменил его, только вот, увы, самого Алана не было поблизости, когда Бенни рос. Это зря. Мальчику надо знать, что у него есть отец и до отца можно доехать на машине.

– А твои-то где? – спрашиваю.

– Да как обычно. – Бенни разводит два пальца, один вверх, другой вниз.

– С тетей Леной все понятно, а Торвальд мог бы и вынырнуть по такому случаю, – вворачивает Манга. – Заодно бы вправил кое-кому мозги.

– С пяти километров выныривать не так просто.

– Какие все занятые, – Манга фыркает. – Налей мне, Гриш. Почему у твоей дамы пусто? А еще Гамлета играл...

– Я?! Никогда я Гамлета не играл. Мне до Гамлета расти и расти. Ты вообще за мной следишь?

– А ты за мной – следишь?

Пообщались, называется. Покоммуницировали.

– Вот скажи мне, Бенни, как социолог, – требует вдруг Манга. – Чем все это кончится?

И обводит бокалом вокруг.

– Вы за мной тоже не следите, – говорит Бенни. – А я уже три года как все расписал. Мне тогда предложили работать с «мишками», надо было решать, и тут я понял, что готов закрыть тему, подвести итоги. Опубликовал большую работу. Получил в ответ ушат помоев на голову от благодарных читателей. Ну, какой текст, такая и ругань – масштабная.

– Извини, я только сценарии читаю. Совершенно дикий в этом смысле. А Манга...

– Давай, не тяни, – говорит Манга.

– В общем, наша семья – ненормальная.

– Удивил! – смеемся мы хором.

– Да не в том смысле. Атипичная она. Почему Урсула сейчас так к Дику прилипла – видите? – потому что это феномен. И вы феномены, и все остальные за этим столом. У нас базовая парадигма формирования семьи – нематериальная. Мы не ради выгоды сбиваемся в стаю. А нормальная серийная семья, где контакты не теряются с разводом партнеров, а только надстраиваются, – прообраз будущего владетельного рода. Их тысячи, и они все одинаковые. Одна наша такая долбанутая.

– Погоди, они надстраиваются, чтобы набрать побольше сил? И только-то? – Манга презрительно морщит очаровательный носик.

– Именно. Говорю же, будущие владетельные кланы. Все очень продумано, очень просчитано...

– Новая аристократия? Боже, как скучно...

– ...и невыносимо скучно. Ты совершенно права. И еще они постоянно лицемерят перед собой и родственниками. Живут в атмосфере привычной повседневной лжи. Такие серийные семьи абсолютно утилитарны, у них нет каких-то принципиально новых задач. Они не порождают новых смыслов, как наша семья. Ну и чем это отличается от династических браков, например? Это откат в Средневековье, а не движение вперед.

– Тогда понятно, за что тебя ругали, – кивает Манга. – Ты же их носом в зеркало ткнул. Молодчина. А я думала, ты дурак вроде Гришки!

– А сама ты что твердила? – тут же набрасываюсь я на Мангу. – Решать проблемы, решать проблемы, через два рукопожатия выходим к президенту... Не для этого семья! Родственников не выбирают, да? А мы – выбираем!

– Да не в этом дело, – перебивает Бенни. – Главное, у нас критерий отбора другой. Все выбирают новых родственников, и весьма придирчиво, даже тщательнее, чем у нас. Но именно с целью решения возможных проблем, расширения влияния, объединения сил и слияния капиталов. И человека, полезного в этом смысле, но по жизни неприятного, будут терпеть. Постепенно число неприятных людей в структуре нарастает, вместе с этим растет необходимость лицемерить и врать, и внутри семьи копится напряжение, которое может найти самый неожиданный выход, вплоть до убийства. А теперь оглянитесь: ну, кому тут в рожу плюнуть? Если только мне...

– Тебе-то за что? – удивляется Манга.

– Сама говорила.

– Да забудь, уже простила.

– Тогда я сам себе плюну. – говорит Бенни. – Потому что я в семье – урод. В любую другую вписался бы, а здесь – чужой.

– Да какой ты...

– Чужой, – говорю. – И я с самого начала был против того, чтобы тебе давали прямые контакты и аварийные коды. Ты бы просто не смог ими воспользоваться, что и доказал сегодня. Но меня, конечно, не послушались. Меня никогда никто не слушается. Ну кто я – клоун...

Манга смотрит, что называется, большими глазами. Хотя куда уж больше. А Бенни спокойно кивает.

– У меня социофобия, – говорит он просто. – Одна мысль о том, что надо кого-то попросить о чем-то, доводила меня в детстве почти до слез. Молодые люди с этим борются, и самый типичный путь – найти профессию, которая заставляла бы тебя активно общаться. Многие идут в репортеры, я вот стал социологом, и даже неплохим. И если это надо для дела, я покойника растормошу. Пока еще могу растормошить, с возрастом фобия усилится, придется забыть о полевой работе... Но попросить о чем-то ради себя – клинит, как в детстве... Поэтому, Гриша, у меня нет ни прямых телефонов, ни аварийных ключей. Уничтожил карточку в тот же день, когда мне ее торжественно вручили. Ты прав, я не смог бы ими воспользоваться. Что интересно, в типичную серийную семью я бы вписался, заставив себя лицемерить. Притворился бы тем, кто я есть – исследователем. Играл бы роль. В нашей семье играть нельзя, она ведь создавалась, чтобы люди были собой, раскрывались, становились свободнее, добивались многого. И я вижу, как это работает. Здесь сейчас человек тридцать, у которых не было шансов, но семья их вытянула. Манга, можно совсем прямо?.. Годам к двадцати ты должна была покончить с собой минимум три раза – убивала бы себя, пока не получится.

– Думаю, раньше, к восемнадцати, – кивает Манга.

– А ты, Гриша, сейчас уже загнулся бы от алкоголизма...

– Не дождетесь, – фыркаю, но сам понимаю, что Бенни только со сроками промахнулся: ну действительно, не так-то просто убить меня водкой.

– А тебя не вытянули, – произносит Манга без выражения.

– Нельзя вытянуть всех, и так результаты прекрасные. А со мной... Дело даже не в родителях, которые всегда были слишком заняты собой. Фобия на то и фобия, что с ней почти невозможно справиться. Слушайте, да не смотрите так, у меня все нормально. И будет нормально, просто пора уходить. Наша семья не терпит притворства. Я тут сегодня пытался врать, и вы меня раскололи. В нашей семье ложь неорганична, она сразу видна. Семья не для этого, она для счастья. Ты угадал, Гриша, нынче в команде замена. Вместо выбывшего социолога Нордина на поле выходит социолог Нордин. Он гораздо лучше меня – ему незачем притворяться кем-то, кем он не в состоянии быть.

– Я же ее в Гондурас везу, – бормочу тупо.

– Нет, спасибо. Мне только что дед позвонил. – Бенни щелкает пальцем по мочке уха. – Гондурас отменяется, начинается... Новая история. А я побежал. Спасибо за все, друзья.

И он встает и уходит. Мы провожаем его глазами в полном опупении, не зная, что делать: не принято у нас хватать людей за фалды. А он выходит за дверь и пропадает.

– Твою мать, – говорит Манга, – мы его так просто отпустим?!

– Погоди-погоди. Секунду. Дай оглядеться. Где Дик?

В комнате дым коромыслом, несмотря на распахнутые окна; на веранде всюду пилят хард-рок; за окном мелькает длинный красный силуэт – машина уехала. Дика в комнате нет, Урсулы не видать, Макмиллана тоже нет, и принципиально трезвый Аким куда-то запропастился. Правильно, тут на автоматике не особо поездишь, дороги не те, нужен живой пилот...

– Ты все равно не отстанешь, – говорю Манге, – так что побежали. Надо прояснить один вопрос. Только сама не лезь в разговор, потому что ничего не знаешь толком, а я тебе потом расскажу, честное слово.

Мы выскакиваем на веранду, спотыкаемся о кабель и падаем. Зачем он снова здесь? Манга грациозно перекатывается и вскакивает, как резиновый мячик, а вот я ушиб колено. Ругаюсь матом, но меня не слышно из-за музыки, если этот трэш можно назвать музыкой, конечно.

Бенни мы ловим, когда он уже выезжает с парковки.

– Пара слов, – говорю. – Только пара слов, не больше. И чтоб ты сразу понял... Доктора ты уговаривал ради дела?

– Ну не для себя же, – Бенни криво ухмыляется. – Значит, ты полностью в курсе... Дед сказал, что – да, но не объяснил, насколько.

– Кое-кто из дипломатического ведомства считает, что тебе с такими талантами надо было служить в разведке.

Бенни пожимает плечами, и тут настает моя очередь делать большие глаза. Я все-таки актер и многое вижу. Зацепила его эта фраза. Ладно, плевать.

– Бенни, за что ее вышибли?

– Она научилась врать.

– Мать твою... – не выдерживает Манга.

– Да я сам офигел, – хмыкает Бенни. – Она очень талантливая.

– Доэкспериментировалась? Эх вы, грамотеи ученые...

– Если бы. Смотри, как было... – Бенни глушит двигатель, выходит из машины и садится на капот. Заметно, до чего он измотан.

– Концепцию лжи «мишки» понимают как никто. Но на себя они эту концепцию никогда не примеряли. С их телепатией это бессмысленно, они же видят друг друга насквозь. Они способны молчать, и только, молчать даже мысленно, но врать... Им просто ни к чему. У них

и так все прекрасно. Ну, им так казалось. Потому что до встречи с землянами они не имели дела с массиванным враньем. Они работали с непониманием, нежеланием договариваться, разницей в культурных кодах... Да, это все подкреплялось ложью так или иначе. Но тут они впервые увидели тотально лживую цивилизацию, запутавшуюся в самообмане. И две страты: правители, которые врут, и народ, который ненавидит правителей за то, что те врут. Но стоит человеку из нижней страты пролезть в верхнюю, он принимается врать изошренно и виртуозно. А главное – мы правила игры меняем ежеминутно, и верить нашим обещаниям нельзя. Как с такими чудовищами разговаривать, непонятно. Как их вписывать в сложившуюся систему отношений – черт знает. А мы же лезем во все дырки, мы чего-то хотим, мы молодая цивилизация, у нас период экспансии. И мы брыкаемся, не желая признавать правила общежития. Нас, таких диких, в конце концов и прихлопнуть могут... Я не шучу, если всех вконец запугаем – могут. Та ахинея, которую несут наши политики, – ее ведь принимают за чистую монету. Нас уже реально побаиваются, и многие откровенно рады, что мы пока летаем плохо и недалеко. В общем, с нами что-то надо делать, и «мишки» как профессиональные посредники вдруг оказываются крайними. От них все хотят, чтобы они нам объяснили: в глубокий космос не пускают мошенников, там надо соблюдать договоренности и работать сообща. «Мишки» лихорадочно ищут решение, не находят его – и не найдут, я уверен, никогда, мы сами раньше справимся... Но по ходу дела они начинают обсасывать земную концепцию дипломатии. У нас все манипулируют всеми. А почему бы, собственно, не начать манипулировать нами, раз мы такие умные? Обратить наше оружие против нас – ради благого дела, разумеется. Но для этого «мишкам» надо научиться врать. И старейшины обращаются к способной молодой исследовательнице – попробуешь? Мы просто хотим поглядеть, будет ли из этого толк... Она изучает вопрос несколько лет, тренируется в Москве, в этом вселенском центре лжи. Она действительно очень способная. Тут мало знать психологию и физиологию двух очень разных рас, требуется еще и недюжинный актерский талант. Она разрабатывает примерную методику – и пробует. У нее получается. Я обо всей этой фигне ничего не знаю: она просто мне не говорит. И три дня назад она демонстрирует старейшинам вранье на всех уровнях: вербально, моторикой и телепатически. Последний момент просто убивает старейшин. Им и первые два не понравились, но врать самому себе в мыслях – то, что на Земле умеют даже подростки, – это для них страшнее, чем для нас питье крови невинных младенцев. С перепугу дедушки приказывают все данные стереть напрочь, сам вопрос забыть, будто его и не было, а единственного носителя чудовищного умения – нейтрализовать. Чтобы, не дай бог, он еще кого не обучил, а вдруг тому понравится, и волна дальше пойдет, это же для «мишек» полный крах. Убить на месте Урсулу нельзя, не положено, значит – изгнать. Перед ней даже извинились. Мы, говорят, виноваты, прости нас. Но ясно, что ей хана. Загрызут не сегодня, так завтра... Она приходит ко мне, плачет. Не видел, как «мишки» плачут? Я тоже не видел до того дня. Думал, сердце разорвется. Этот плач симитировать невозможно – чисто физиологический процесс, вроде предсмертного крика у наших зайцев. И, значит, она сквозь слезы говорит: «Да я бы сама сдохла, раз все так плохо, только мне сейчас нельзя...»

Бенни смотрит на часы, зачем-то глядит в вечернее небо – а я и не заметил, как солнце к закату клонится.

– Ты чего? – спрашиваю.

– Чего-чего, боюсь, вот чего. Всего боюсь. Отходняк у меня.

– Может, останешься до завтра? – осторожно спрашивает Манга. – Давай я скажу, чтобы в гостевом домике постелили, как раз один еще свободен. Хоть поспишь на свежем воздухе, на тебе же лица нет. Тут знаешь как спится? Погоди, я сейчас...

– Нет, спасибо, я поеду, пока Дик с Аланом не вернулись. Вы поймите меня правильно, я не могу с ними говорить, сил не осталось, да и нежелательно это.

– Пока не забыл... Алан давно хочет тебе позвонить, но не хочет навязываться. Что-нибудь сказать ему?

Бенни забавно хлопает глазами от неожиданности.

– Через полгода, – говорит он наконец. – Конечно, конечно, я буду очень рад, так и передай ему. Но только через полгода. Мне сейчас лучше исчезнуть из-за всей этой истории, я буду просто недоступен. Ничего, ребята, продержаться надо шесть месяцев, а там все переменится.

– Почему?

– Потому что Урсула беременна, идиот! – шипит Манга. – Как ты не понял еще?

– Елки-палки... – только и говорю я.

– Будет двое или даже трое «мишек» с земным гражданством.

– И с фамилией – гы-гы! – Нордин!

– У шведов фамилия по матери дается.

– Для этого надо родиться в Швеции, – авторитетно возражает Манга. – А потом, фамилия матери все равно Нордин!

– Вот я попал! – говорит Бенни.

И мы впервые за последний час, а то и больше – смеемся.

Двое или трое «мишек», которых не выгонишь с планеты. Существа, которые не будут врать, а мама их не научит. Маленький шажок одного человека – и гигантский скачок всего человечества. Теперь нашей семье есть чем заняться на столетия вперед. И огребать за это по полной программе. По головке-то не погладят, ой не погладят.

Оказал нам Бенни поистине медвежью услугу. И деваться некуда.

– А знаешь, почему она попросила меня о помощи? – говорит Бенни. – Ситуация вроде безвыходная, и она приходит ко мне. Держи челюсть обеими руками, артист. Эта «мишка», научившаяся врать, обращается не к землянину-пройдохе, который всех надует и таким образом спасет ее детенышей. Вообще наоборот! Она сказала: «Я знаю, ты из семьи, где люди похожи на нас, где не лгут!»

Против его ожиданий, ронять челюсть я не собираюсь.

– Ну, шикарная манипуляция, – говорю.

– Ты так думаешь? – Бенни настораживается.

– Ты за ушами ее следил?

– Она плакала! – говорит Бенни строго.

– Она не добавила что-то вроде: «Вам же приятно будет растить маленьких пушистых медвежат? Они такие хорошие, когда маленькие! Такие плюшевые!»

Бенни отчетливо бледнеет и молча лезет в машину.

– Тебе надо как следует обдумать это все, да? – успеваю я бросить ему.

Дорожка тут песчаная, машина поднимает небольшую пыльную бурю, мы чихаем и плюем.

– Вот ты сволочь-то! – говорит Манга восхищенно.

– Чего я сволочь? Мы же не врем! Я ему все как на духу высказал... Лишь бы он теперь не врезался от избытка чувств, спаситель человечества...

– Послу-ушай, – тянет Манга, голос у нее садится, и она вдруг прижимается ко мне. – Но ведь нам приятно будет растить маленьких пушистых медвежат?

Это до такой степени не игра, что я отвечаю совершенно искренне и немного раньше, чем успеваю подумать:

– На хрена нам с тобой медвежата, мы что, не можем своих нарожать?

Занавес падает: это Манга пробивает мне снизу в подбородок и, вероятно, глумится над моим трупом, но таких подробностей я уже не вижу.

Прихожу в себя лежа под одеялом в гостевом домике, весь заплаканный. Надо мной сидит убитая горем Манга, ревет в три ручья из своих нечеловечески огромных глаз и причитает:

– Прости меня, Гришенька, дуру пьяную, это я на нервной почве, я же бесплодная, у меня яйцеклеток не-е-ту...

– Да иди ты, – говорю, – в пень со своими яйцеклетками, что стряслось-то?

– Это я тебя уда-а-ри-ла, любимый мой, ненаглядный... Из-за ме-две-жа-ат...

«Час от часу не легче, – думаю. – Какие, блин, медвежата? Кто-то здесь окончательно рехнулся. Задолбала наша веселая семейка, идиот на идиоте: один с крыши падает, у другого социофобия, третий сыну родному позвонить боится, а у этой вон медвежата – пора валить отсюда подальше на гастроли! Правда, от Манги я все равно никуда не денусь, я же ее люблю, она со мной поедет, значит, с медвежатами надо разобраться: о чем ты, милая Хитоми?» Тут Мангу совсем порвало, и последнее, что помню более-менее отчетливо – как молниеносно слетает с нее кимоно.

К сожалению, я головой стукнулся, когда падал, и уехать не вышло, а вышло попасть в ленту новостей: «Известный комический актер получил сотрясение мозга на юбилее дедушки, который сломал ногу и руку!» Манга в порыве самобичевания растрезвонила всей семье, как она меня ударила. Папуля сказал Манге, что в следующий раз открутит ей голову и сядет в тюрьму счастливым человеком, ибо ему надоело смотреть, как она меня уже тридцать лет беспрестанно калечит. Дядя Миша, отчим Манги, сказал, что сам ее прибьет: ты не беспокойся, мне и за прошлый раз по сей день совестно. Манга красиво падала на карачки и божилась, что лично зарежется, а лучше кого-нибудь зарежет во имя меня, чтобы доказать свою преданность и чистоту помыслов. Я так и знал, что ты долбанутая, сказал папуля, и Гришка тоже долбанутый, если до сих пор с тобой водится, ну что за семья, идиот на идиоте! И они с дядей Мишей ушли похмеляться. А со мной сидела мама. Она с утра пахла свежестью и шампанским. Я прямо детство вспомнил.

Мама сказала, что сотряс ерундовый, но в моем возрасте совершенно лишний. И дальше надо будет голову беречь. А потом осторожно спросила, почему нас с Мангой так волнуют медвежата, что мы из-за них подрались, как маленькие. Я честно ответил: «Понятия не имею». «Ну-ну, – сказала мама, – Манга, конечно, девка боевая и разносторонне талантливая, метко бьет в челюсть, но ей уже за сорок, она принципиально бесплодная и с капитальным прибахом. Так что в следующий раз, сынуля, если уж ты без нее жить не можешь, хотя бы бей первым, ладно?..»

Про медвежат я вспомнил по-настоящему только когда они родились. Воспитывать их нам не пришлось, конечно, хотя они часто бывают у нас в гостях. А мы взяли к себе дочку Бенни, который, бедняга, парой лет позже разбился на машине вместе с женой; годовалая девочка уцелела чудом. Убитый горем Алан сказал, что, по его информации, не все спецслужбы видят будущее Земли одинаково, и Бенни прихлопнули, чтобы передать горячий привет от одной конторы другой. Тем более он был не кадровый, а просто вербованный и после истории с медвежатами, которую провернул самовольно, потерял доверие.

Урсула много раз пыталась познакомиться со мной поближе, но я держу дистанцию: не хочу с ней говорить. С ее детенышами готов болтать часами, а с ней – просто не хочу. Она хорошая, она вообще героиня, но я вижу в ней какой-то надлом, и мне будет слишком больно разглядывать его вблизи. Кажется, она никогда не простит себе, что согласилась на тот эксперимент. Но я-то знаю, у нее не было выбора: «мишки» очень иерархичны, и вежливая просьба старейшин для них равна приказу. Это совсем не то, что у людей, которые тоже по-своему иерархичны: любят прятаться за спинами старших, когда надо сделать неприятный выбор. В общем, мне Урсулу жалко, как жалеют обреченных, а она еще утянула за собой в эту обреченность сначала Бенни, а потом всех нас. И даже Дик, с его способностью рубить наотмашь во имя общих интересов, не помог: на кону стояло нечто большее – доброта и тяга к правде, без чего наша семья и не семья вовсе, а как у остальных, банда.

«Мишек» на Земле живет постоянно уже несколько тысяч, и их все чаще приглашают в посредники. Это становится модно. «Ну просто чтобы не было недопонимания», – скромно говорят люди.

А вот такое ненормальное семейство, как наше, по-прежнему одно.

Правда, оно «слегка выросло», как это называет Дик.

С тех пор как старейшины, впечатленные подвигом Бенни Нордина во имя спасения невинных детенышей, признали ошибкой изгнание Урсулы, в семью по умолчанию вписаны все «мишки», готовые признать себя нашими родичами. Таких набралось миллионов двадцать, остальные просто еще не успели, я думаю.

Мне кажется, ни одного «мишку» больше не отправят в изгнание, ведь он моментально найдет себе новую стаю, и мы его примем – если, конечно, не натворил чего-то незаконного по человеческим понятиям. Как минимум он сможет отсидеться у нас под крылом, пока старейшины не поймут, что дали маху. Мы не боимся перемен и экспериментов – и «мишки» достаточно умны, чтобы учиться этому у землян.

И, конечно, никто из нас, в какой бы уголок обитаемой Вселенной его ни занесло, не останется там без семьи.

Немцы

Война не трогала семью Рау холодными руками до поры до времени: старшие были слишком ценны для страны, чтобы гнать их на фронт с винтовкой, а младшие слишком молоды. Наступление шло стремительно и красиво, победа казалась близкой и сладкой, народ ликовал, и те, кто попроще, не стеснялись в простоте своей поздравлять Рау, когда падал очередной русский город: друзья, готовьтесь, со дня на день фюрер освободит для вас Москву. Поквитаемся тогда за ваших. И за всех наших вообще.

Отец в ответ только морщился. Известно было, что в первые дни войны Россию накрыло жестоким «немецким погромом». Особенно зверствовали патриоты в Москве и Петербурге, спешно переименованном в Петроград. Немцев били где ловили, не разбирая, заезжий ты Мюллер или обрусевший до полной утраты национальной связности Кисельвроде, была бы фамилия нерусская. Попутно досталось эстонцам и жидам. Многие погибли. Русские в дипломатической ноте опровергли это. Фюрер пообещал для начала выпороть императора на Красной площади, а там разберемся.

Отец беспокоился, конечно. Для него московские Рау были не просто далекими друзьями по переписке, как для юного Саши, который появился на свет в двадцать девятом году уже в Германии и ездил на «вторую историческую родину» один раз совсем ребенком. С фотографий на Сашу глядели дорогие лица – похожие, добрые, свои, – но живого тепла дяди Игоря и бабушки с дедушкой он не помнил. А для отца это мама с папой и любимый младший брат. Уговорить стариков переехать никто даже не пытался, а вот из-за Игоря отец страдал: брата он звал к себе много раз. Но тот сделал карьеру инженера-дорожника, стал уже к тридцати годам знаменит, и о Германии отзывался небрежно: чего я там забыл? Ты-то, Дима, понятно что: свои обожаемые авиационные двигатели. А мне на неметчине делать нечего, с дорогами у вас и без меня наведут порядок. Сейчас Россию надо поднимать, Россию... Где и что теперь поднимал Игорь, бог знает. Отец говорил: если кайло – считай, повезло.

Саше тоже сочувствовали – и в школе, и в гитлерюгенде. Выглядело это обычно глупо, иногда грубо, но Саша не обижался: они ведь от души. И только тощий Циммер, которого звали за глаза «дистрофикфюрер», ляпнул:

– Надо бы тебя в гестапо отвести, пускай проверят, что ты за фрукт.

Саша уже примерился дать Циммеру в морду, но тут рядом возник учитель и сказал:

– А ты сходи, донеси на него. Вот прямо сейчас и сходи. Отпущу тебя с урока ради такого дела.

Циммер задумался и никуда не пошел.

А учитель буркнул, глядя мимо Саши:

– Не обращайтесь внимания, Рау. Не обижайтесь на дураков. И вообще, это ненадолго. Русские собирают народное ополчение. Значит, войне скоро конец. Когда регулярная армия не справляется и поднимают весь народ – значит, всё.

Учитель был ветераном Первой мировой и знал, что говорил. Среди учителей было полным-полно ветеранов, и все говорили одно: раз уже ополчение, значит, русские – всё.

Саша передал слова учителя отцу. Тот криво ухмыльнулся и изрек странное:

– Слушай, ну это немцы. Что они в этом понимают?

Саша отродясь не мог понять, когда у отца немцы умные, а когда глупые. И кого отец больше любит, немцев или русских. Иногда казалось – всех, иногда – никого. Если на работе что-то не ладилось, отец немцев особенно не любил. Говорил, они еще хуже русских.

– А вот насчет «на дураков не обижаются» это правильно. Мы не имеем права обижаться, – сказал отец, – нам гордиться надо: российская история нашего рода насчитывает лет триста как минимум, даже приставка «фон» от фамилии отвалилась. Мы равно принадлежим

двум нациям и взяли от них все лучшее. Мы русские немцы, какие уж есть. И нам совершенно наплевать, кто и что про нас думает. Хотя положение, конечно, дурацкое.

После чего, выпив еще пару рюмок, отец затынул «Из-за острова на стрежень». И все подпевали, включая тех, у кого приставка «фон» почему-то не отпала от фамилии, несмотря на те же триста лет. Очень красиво получалось у кузена Гуннара, правда, тот по секрету признался Саше, что совсем не понимает смысла, просто звук воспроизводит. А вот песню про серенького козлика Гуннар правильно запомнил с детства – и вкладывал в нее наравне с музыкальным талантом еще и чувство юмора.

– Водка! Водка! Серенький козлик! – орал Гуннар. Родичи от смеха валились на стол. Правда, водки Гуннару все равно не давали, рано ему еще. Он и от пива веселый.

Говорили по-русски и пели русские песни, сидя посреди страны, которая вела жестокую войну с Россией. Ну вот так получилось, а что теперь делать. Можно, конечно, пить горькую и загибаться от тоски, но это было бы для Рау слишком по-немецки.

Кузен Гуннар фон Рау пропал без вести в сорок четвертом. Как его забрали, так и сгинул, не прислав ни единой весточки. Вот вам и народное ополчение: война затянулась, превратилась в бойню, потом в драку за выживание германской нации, и если ценный специалист еще оставался ценным специалистом, то нежный возраст больше не имел значения.

Сашино время настало в апреле сорок пятого.

Отец почти не появлялся дома, пропадал на заводе, мама кусала губы, чтобы не плакать. Отец не мог спрятать сына от войны, он был для этого слишком на виду. Даже у нацистских бонз дети шли на фронт. Единое общество, все равны, никаких исключений. Здесь вам не Россия, где буржуи и аристократы задирают нос, здесь Германия, и если ей плохо, значит, плохо будет сразу всем, у нас тут нет привилегированных, а чего вы хотите, сами за это боролись. Отец надеялся, что девятиклассников все-таки в бой не бросят. Ничего он не мог поделать, у него и так положение было хуже губернаторского; Саша примерно догадывался, что это нелепое и глупое положение. Отец успел сказать ему только: если не дай бог чего, вас одних умирать не пошлют, с вами будут старшие, ты следи за ними внимательно и делай как они. Ищи ветеранов, тех, кто в прошлый раз воевал, и притирайся к ним поближе. Они знают, как правильно.

Ветеранов оказалось двое, учитель истории из соседней школы и автомеханик с соседней улицы. У них был пулемет и задача удерживать мост.

С той стороны моста уже бабахало, пока еще в отдалении.

– Вот нелепость какая, – говорил учитель механику, рассеянно теребя патронную ленту. – Русские помогали фюреру, практически с руки его выкормили, чтобы тот бодался с англичанами, и англичане не мешали русским. А фюрер взял да напал на русских, чтобы те не мешали ему разбираться с Англией! И в итоге бородатые приперлись к нам вместе с англичанами! Да еще американцев притащили. А мы с тобой, значит, опять воюй на два фронта на старости лет...

– Ну так ихний царь размазня, это все знают, – говорил механик, поправляя на бруствере мешки с песком. – И король ихний тот еще либерал. Им чего жида подскажут, то они и делают. У фюрера бабушка была жидовка, слышал? Подсунули нам какого-то австрийского зяму, а мы и рады...

– Там конституционные монархии, и от царей с королями мало зависит, – говорил учитель. – А вот жидов не надо было трогать. То есть надо было их растряссти, конечно, но поаккуратнее. Отыгрались они на нас, и еще как отыграются, помяни мое слово. Им теперь одного надо: сжить как можно больше немцев со свету.

– Получается, мы сейчас с тобой делаем то, чего надо жидам? – спрашивал механик.

– Именно, дорогой товарищ, именно, – отвечал учитель.

Девятиклассники слушали этот разговор, вытаращив глаза.

Девятиклассников прислали к мосту аж целое пехотное отделение с винтовками и парой ящиков фаустпатронов. У них была задача – стоять насмерть. Собственно, на что еще годятся десять необстрелянных мальчишек? Стоять да умирать.

– Осталось день-два продержаться, – заявил тощий Циммер. – Фюрер пустит в ход Оружие Возмездия, и это будет перелом войны. Мы победим!

Механик обернулся к Циммеру, пересчитал взглядом гитлерюгендовские значки у него на шинели и сказал:

– Наломались уже. Напереламывались. Ну-ка, парень, дай взглянуть на твое Оружие Возмездия. Что-то мне у него затвор не нравится.

Циммер отдал ему винтовку. Механик извлек затвор, кинул его в реку и вернул «маузер» оторопевшему парню.

– А то мало ли, – непонятно объяснил он.

– Вы... – начал Циммер, краснея.

– Щас в морду, – очень понятно на этот раз объяснил механик.

Циммер огляделся. Никто из отделения не собирался его защищать. Он всем давно надоел со своим Оружием Возмездия. Тут дураков кроме него не было.

– Значит, так, молодые люди, – сказал учитель. – Вы меня знаете, ну, некоторые из вас точно. Я не хочу тут проповедовать и разводить философию. Я объясню положение в двух словах. Бородатые будут здесь очень скоро. И они не станут с нами церемониться. Если мы решим отбиваться, нас расстреляют из танков или накроют с того берега минометами. Если мы поднимем лапки кверху, нас все равно пристрелят, к сожалению. У бородатых нет времени с нами возиться, они спешат продвинуться вперед насколько можно, занять побольше нашей территории. Они прихлопнут нас, просто чтобы мы не болтались у них в тылу. Мы покойники в любом случае, если останемся здесь. Есть только один шанс – бросить все и уходить навстречу американцам.

– Измена! – заорал Циммер, и механик дал-таки ему в морду.

– Сейчас измена – погубить себя, – сказал учитель, глядя, как Циммер ползает на карачках, собирая зубы. – Ради Германии вы обязаны выжить. Вам заново поднимать нашу родину из праха. Бородатые не задержатся тут надолго, они заберут все, что им понравится, и уйдут восвояси. Они всегда так делают, я ведь историк, я знаю. А мы останемся в разоренной стране. Вас ждет впереди очень много работы. Вы нужны Германии живыми. Все ясно? Хорошо. Помогите мне, Йохан.

Они с механиком подхватили на руки пулемет и швырнули его далеко в реку.

– Жалко, – сказал механик.

– Да, отличная вещь, – сказал учитель. – Ничего, потом вернемся – достанем. Американцы нас долго не промурыжат, зачем мы им нужны... Мальчики, бросайте оружие. Сейчас оружие – это ваша смерть. Бросайте – и побежали.

И они побежали.

Самое страшное, что запомнил из войны Саша Рау, это были не бомбежки и не артиллерийский обстрел, под который он в следующие дни попадал несколько раз. И даже не чавкающий звук, с которым пуля бьет твоего товарища. Нет, самое страшное – это был берег следующей реки, до которой ему посчастливилось дойти живым. За рекой стояли американцы, надо только добраться до них и поднять руки, и твоя война окончена.

Шел дождь. Поверх реки стреляли. Берег был серый и шевелился. Это ползли вниз, к холодной воде, люди в серых шинелях.

Всю последующую жизнь Саше будет сниться эта серая волна.

Он вернулся домой через месяц. Перед домом стоял грузовик, русские солдаты носили в него тюки и чемоданы. Вот как это выглядит, значит, – когда забирают что понравится. Саша

до боли сжал кулаки и пожалел, что у него сейчас нет пулемета, да хотя бы винтовки. Но тут из дома вышел отец, а с ним двое в синих мундирах.

– Здравствуй, сынок, – сказал отец. – Ты вовремя. Мы едем в Россию.

Вот как это выглядело на самом деле – когда забирают все, что понравится.

Дмитрий Рау был главным инженером одного из заводов «Юнкерса», и русские вывозили этот завод по репарации подчистую, вместе с персоналом. В десятый класс Саша пошел уже в подмосковной Дубне.

Жили в Дубне просто, без затей, но как-то по-доброму, и с русскими отношения сложились очень спокойные. Видно было, что русские не держат на немцев зла, у них уже переболело. Ну, напали, дураки, так мы их за это наказали, чего теперь с ними делить. Лежачего не бьют. Даже те, кто потерял на войне близких, старались не срывать на «пленных», это считалось нехорошо. Но в морду немецкую дать все-таки могли. Особенно крестьяне, когда привозили на рынок продукты, а потом с выручки напивались. Крестьян на фронте много полегло, да и потерю они острее понимают. В городе пропал у тебя сосед – и пропал, а в деревне это очень заметно: и пахать некому, и в душе пустота... На рынок только мама ходила, ее не трогали.

К Саше в школе сначала цеплялись, а он сказал: эй, слушайте, я с вами не воевал и не собирался. Я же русский, хоть и немец. Я должен был воевать с Америкой. Понимаете? И рассказал про мост, соврав, будто из-за реки подступали американцы.

В школе все обалдели: для начала, десятиклассникам завидно стало, что пятнадцатилетнему мальчишке доверили винтовку и фаустпатрон – и отправили убивать американцев. То есть здесь слышали про такое, но не верили. Правда, некоторые Сашу осудили: он ведь сдался, не успев никого убить. Америку тут недолюбливали: Россия крепко ей задолжала за военные поставки. Все признавали, что без американской помощи на начальном этапе войны она могла быть проиграна запросто, но должниками себя чувствовать не хотели. И вообще, мы-то кровь проливали, а эти – что? Бензин, в основном. Англичан, про которых говорили, что война стряслась исключительно по их вине, уважали, как ни странно, больше. Они и драться молодцы, и наш император с ихним королем родственники. Хотя оба квашня квашней. Вот Миротворец, это был царь. А нынешний – лопух. И жена у него немка. А ведь хотели на англичанке женить. Женился бы на англичанке – ничего бы не было, понимаешь? Никакой войны. И Гитлера вашего не было бы. Он бы просто не понадобился. Его же англичане нарочно продвигали и спонсировали, чтобы он немцев против русских настраивал, полужиденьш толстозадый. Не веришь?

Так или иначе, от Саши отстали.

Приезжал в гости дядя Игорь, худой, почерневший, хмурый. О «немецких погромах» он знал только понаслышке: в первый же день войны за ним пришли синие мундиры и услали инженера Игоря Рау работать по специальности куда Макар телят не гонял. Потому что фамилия нерусская. Может статься, уберегли его так от лютой смерти в руках толпы... Бабушка с дедушкой не дожили, тихо угасли в тоске и тревоге за сыновей. Холодно и голодно пришлось им на старости лет, потому что в московский дом попала зажигательная бомба, и он выгорел дотла, а капиталы российских немцев были на время войны заморожены. Скорее всего, конфискованы: возвращать их как-то не спешили. Игорь обещал, что будет хлопотать, если надо – хоть судиться, и когда вернет деньги, поделится с Димой по-братски. Ему-то сейчас вообще ничего не надо, честно говоря: живой, и на том спасибо, хотя зачем живой, непонятно... Какие дороги он строил пять лет – не распространялся. Правда, Саша подслушал случайно разговор отца с матерью: тот сказал, что у Игоря, бедняги, волосы заново растут, прежние вылезли. И жена его дождалась, а потом ушла, поскольку как мужчина он теперь никуда не годится. Но это временно, будем надеяться...

Ничего себе дорожное строительство, подумал Саша. Ничего себе пересидел войну в тылу, называется. Да я, пожалуй, легче всех наших отделался. Только страху натерпелся на

всю оставшуюся жизнь. Ну так это даже неплохо: я просто больше не буду бояться никогда и ничего. Хватит с меня.

Он приказал себе – и перестал бояться.

И начал жить.

Отец заново налаживал завод, мама хлопотала по хозяйству, Саша доучивался и занимался тем, чем всегда хотел, – сотрудничал в газете. Никто не чинил ему препятствий, только надо было вовремя отмечаться у синих мундиров и спрашивать отдельного разрешения, если собрался в Москву. «Да кому ты нужен, – сказали ему откровенно. – Гуляй свободно и ничего не бойся. Главное, порядок не нарушай, ну, этому тебя, немца, и учить не надо, слава богу, не то что наших вахлаков». Саша на «немца» привычно не обижался, как на «русского» в Германии.

Все чаще он ловил себя на том, что ему в России хорошо, если бы не одно «но». Ему нравились русские люди, их внутренняя мягкость, доброта и терпимость. Нравилось ощущение простора вокруг. Но простор неприятно удивлял запущенностью и необустроенностью. А люди тут жили... – Саша побаивался этого слова, вдруг с языка сорвется и оскорбит кого-нибудь, – убого. Не обязательно бедно, но как-то затрапезно. В России мало что выглядело законченным и доделанным. Непременно часть работы брошена на авось. А если все доделано, то ковырни – посыплется. Это казалось национальным принципом, ведь так строили не только дома, дороги и автомобили, так выстраивали и личную жизнь. Некоторых русских это тоже раздражало, правда, они все списывали на войну. «Ничего, теперь заживем!»

– Не слушай, – сказал отец. – Здесь всегда так было. Это Россия. Тут все через левое плечо и когда-нибудь потом. Кому надо хорошо и сейчас, тот уехал. Думаешь, зачем Сикорский в Америке работает? Думаешь, он не патриот? Думаешь, России не нужны вертолеты? Они тут нужны позарез, желательно вчера, и чем больше, тем лучше. Но можно и завтра. А можно и послезавтра... Здесь сами не спешат и другим спешить не дают. Думаешь, я не патриот? Я просто не мог смотреть больше, как мою любимую страну держат в черном теле, вот и уехал... А они зажимают любую инициативу, потому что боятся. Собственного народа боятся. Убеждают его, что он такой особенный, такой духовный, и ему всякие немецкие кунштюки незачем. Землю надо пахать и родину любить, остальное приложится. Про закон о «кухаркиных детях» слышал? Два поколения инженеров потеряли на этом идиотизме! Проклятье, Гитлер сюда гнал авиационные технологии одну за другой в обмен на зерно, нефть и кредиты – ничего не освоили как надо, обязательно через пень-колоду. Вот я вернулся, я им сейчас нормальный двигатель дам. А не будь войны, так бы и летали маслом заляпанные до самого хвоста... Тут силища немереная, ты сам видел, она вермахту хребет сломала. Только эту силу держат в кулаке, не выпускают наружу и не выпустят никогда. Ради войны кулак разжимают, потом опять сожмут...

Да, Саша кое-что уже видел и мог сравнить. Немецкая «тотальная война» была истерикой. Русское «народное ополчение» было именно что страшной неумолимой силой. Блицкриг пронзил Россию аж до Москвы – тут его и стукнула дубина народной войны. И пошла гвоздить, не считаясь ни с чем. Немецкая армия держалась на молодых и бритых, а ополченцы были уже дядьки, и в честь Царя-Миротворца бородатые, они еще говорили: «Вот когда прогоним фрица, будет время – будем бриться», на этом контрасте и родился миф о поголовно бородатых русских. Плохо обученные, не слишком дисциплинированные, они тем не менее сражались с поразительной стойкостью. Несли огромные потери, но стояли насмерть, а в наступлении отличались редкой неукротимостью. Они не воевали, они убивали. Говоря по чести, «бородатых» хватило ненадолго, но их подвиг дал России главное – выигрыш во времени. За пару месяцев Ставка успела раскрутить маховик перманентной мобилизации, и на фронт одна за другой хлынули свежие дивизии. Эти тоже были слабоваты для настоящих регулярных войск, зато их оказалось больше, чем вермахт мог перемолоть. Наступление захлебнулось. А русская армия с каждым днем набирала силу и знания.

Народ, который обожал Миротворца и уже забыл, когда в последний раз ходил на войну, поборол хорошо отлаженную военную машину со всем ее свеженьким опытом.

Четвертью века раньше Миротворец волевым решением не позволил русским влезть в Первую мировую. Встал над схваткой, сложив руки на груди, – таким его любили отливать в бронзе. Репутационные потери были кошмарны, казалось, Россия никогда не оправится от вселенского позора. Но репутация – это то, что о тебе говорят другие, а русским надо было думать об экономике и народосбережении. У них имелась сильная «партия войны», их мучил стыд из-за того, что бросили народы Балкан на произвол судьбы, что ради мира позволили кайзеру захватить огромные территории, хотя могли взять их себе, – но Миротворец все это задавил. Он сжал кулак очень крепко и не разжимал его до самого конца. Синие мундиры свирепствовали, пресекая вольнодумство, они были повсюду и затыкали рты безжалостно. Страна молилась на царя и стонала под его железной пятой. Все понимали, что он действует разумно – и дожидаться не могли, когда тяжелобольной гигант, для которого любое движение было мучением, уже наконец отмучается. После его смерти должен был произойти сильнейший взрыв, но Миротворец и это предвидел, он переиграл своих политических оппонентов из могилы: согласно заранее утвержденному плану его наследник дал стране конституцию и множество невиданных ранее свобод. Ни одна свобода не была пустой возможностью наподобие отпуска крестьян из крепости без земли – нет, на этот раз все было продумано до мелочей, подкреплено экономическими стимулами, и все сработало как надо.

Высчитывали пользу до копейки, планировали на годы вперед. Даже столицу вернули в Москву, дабы перенаправить транспортные потоки и простимулировать развитие близлежащих областей. А что насмерть обидели петербуржцев, так Миротворцу это было все равно, он сам был петербуржец и ни капельки не обиделся, и детям заказал.

К несчастью, любые достижения, великие по российским меркам, выглядели так себе по меркам Европы. Россия по-прежнему не обгоняла, а догоняла, и все тут было, если внимательно присмотреться, через левое плечо. И невыносимо медленно. Тем не менее Дмитрий Рау уехал, а Игорь Рау – остался. Хотя оба горели одним и тем же желанием добиться многого и сразу. Не для себя, а на благо Родины, их так воспитали. Разоренная Германия поднималась с колен, там было самое место для быстрых и энергичных, и Дмитрий преуспел. В благополучной сытой России никто никуда не спешил и другим не давал, но Игорь был чертовски хорошим специалистом и только за счет этого достиг успеха.

Тем временем новый царь играл в большую политику, его министры считали себя ловкими и дальновидными, Англия как «кухня европейской погоды» и постоянный источник беспокойства им надоела, с ней надо было что-то решать, и тут кстати подвернулся Гитлер. Особых идейных противоречий с ним поначалу не заметили, а Германия хоть и не считалась интересным рынком сбыта, зато могла расплачиваться технологиями. При должной поддержке она превращалась в новый центр силы, который мог накрепко связать руки британцам, да и по шее им надавать. Не одной же Англии играть Большую Игру.

Когда Гитлер начал трясти еврейские капиталы, это восприняли даже благосклонно. Когда принялся евреев откровенно убивать, а немцев выстроил в колонны и повел куда-то не туда, возникло подозрение, что он псих, да еще заразил сумасшествием целую страну – а мы ведь его финансировали. На это русские как-то не рассчитывали. Только им сумасшедших немцев не хватало. К счастью, псих, как и планировалось, вступил в открытый конфликт с Англией, и русские вздохнули с облегчением, но сами начали готовиться к войне на континенте. Разумеется, поздно. Разумеется, медленно. Естественно, с упущениями, ошибками, преодолевая головотяпство, коррупцию и кумовство. Но хотя бы так.

И еще долго будут обсуждать вопрос, как бы все обернулось, не догадайся государь обратиться к народу с речью, начавшейся со слов: «Люди русские, братья и сестры...» И собралось

ополчение, и вытянуло на себе кризисный этап войны, когда немцы рвались в глубь страны и казалось, что все потеряно...

Обо всем этом говорили открыто, а Саша слушал и не мог понять одного: больше потеряла Россия в результате или приобрела. Людей не вернешь, понятное дело. Но если мыслить как Миротворец, глядя на десятилетия вперед, стоила ли игра с Гитлером свеч? Насколько оправданна игра самого Миротворца? Ответа не знал никто, ученые строили версии, люди предполагали разное.

Саше запала в голову мысль, что, женись нынешний царь на англичанке, «ничего бы не было». Сама по себе эта нелепая идея стоила полушку в базарный день, но подход к проблеме выглядел интересным. А что, если?.. Могла Россия пойти по другому пути? Куда бы он привел ее?

А ведь был один вариант – самый лучший.

К началу Первой мировой в России накопились внутренние противоречия, тут творился какой-то перманентный пир во время чумы, и все ждали, что вот-вот случится нечто. Вот-вот долбанет. Страна встала на грань революции, здесь было сильное рабочее движение, крепла мечта о справедливом социальном устройстве, а про царизм говорили, что он устарел, неэффективен и держится только на личном обаянии Миротворца. Студенчество насквозь пропиталось левыми идеями и заразило профессуру. Богема увлеклась абстракционизмом и гомосексуализмом. Иоанн Кронштадтский проклинал Льва Толстого, но оба говорили, что так дальше жить нельзя. Всем не хватало свободы. Никто не знал, кого ради этой свободы бить, то ли жидов, то ли немцев, правда, все соглашались, что начинать надо с синих мундиров – и были морально готовы. Единственным спасением виделось как раз вступление в мировую бойню – чтобы отвлечь народ и загнать самую взрывоопасную его часть в солдаты. Но Миротворец сначала довел страну до точки кипения, а потом сорвал клапан, да так, что о революциях уже никто и не заикался, дай Бог дарованную свободу как-нибудь переварить. Только крайние левые на стенку лезли и кричали: «Глаза разуйте, он вас облапошил!» Некоторые с ними соглашались, но в целом всем было не до того.

Саша читал документы левых партий, и ему казалось, что он нашел ответ, правда, совсем не там, где искали другие. Царская воля согнула логичную сюжетную линию: когда история России должна была пойти своим чередом, ее очень ловко завернули вправо. Если бы не игра Миротворца, здесь вполне могла возникнуть первая в мире пролетарская республика, устроенная разумно и по-научному, основанная на идеалах общей цели и общего блага, справедливого распределения и максимальных возможностей для каждого. Открытое и крепко спаянное общество. Оно превзошло бы германский национал-социализм по всем статьям, потому что было наднациональным и надклассовым. Его идеи прекрасно ложились на исконно местные принципы соборности, звучали в лад с православным каноном и вполне могли прийтись каждому русскому по сердцу. Его бы и церковь могла поддержать. И, что самое интересное, запрос на такое общественное устройство был очень силен в Германии. И раз в России все получилось – русские дали бы пример немцам.

Никакого Гитлера не понадобилось бы никому.

Войны не случилось бы вообще. В крайнем случае, социалистическая Россия и социалистическая Германия вместе боролись бы с происками монархической Англии. Хватит экономической блокады, да и просто запереть Черчилля на островах нам на пару раз плюнуть. И пускай там сидит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.